

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

ВОЙНА
С ДЕМОНАМИ
КНИГА I

МЕЧЕННЫЙ

Написанный твердой рукой,
многообещающий первый роман Питера В. Бретта.
Мир, созданный этим автором, ярк и интригующ...
Безусловно, книга достойная.

SF Site

ПИТЕР В. БРЕТТ

Annotation

Вот уже несколько столетий каждую ночь на охоту выходят кровожадные демоны — лесные, воздушные, огненные, каменные, песчаные. Когда-то люди сражались с ними на равных, но те времена давно прошли, и теперь единственная хрупкая защита против нечисти — магические символы, чье происхождение теряется в мифах. К тому же искусством применять эти символы-амулеты владеют лишь немногие избранные, мастера из гильдии метчиков. На разоренной, одичавшей, раздираемой войнами Земле спасительные древние знания хранятся под замком, тогда как сверхъестественное могущество демонов крепнет с каждой ночью...

Питер В. Бретт

Меченый

Эци^{III}, первому Меченому

Peter V. Brett
THE WARDED MAN
Copyright © 2009 by Peter Brett
Artwork © by Lauren K. Cannon
All rights reserved

© А. Киланова, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Всем, кто увлекается эпическим фэнтези, рекомендуем эту волнующую воображение, захватывающую книгу.

Library Journal

Абсолютный шедевр... В буквальном смысле неотрывное чтение. И безусловно заслуживает титула «новое достижение» в фэнтези.

HorrorScope

Потрясающее начало цикла... Более чем вероятно, это станет классикой. Великолепная фэнтезийная литература.

The Cairns Post, Australia

* * *

Благодарности

Особое спасибо всем, кто вычитывал черновик этой книги: Дэни, Майку, Амелии, Нилу, Мэтту, Джошуа, Стиву, маме, папе, Трише, Нетте и Коби. Ваши советы и поддержка помогли мне превратить хобби в нечто большее. А также хочу выразить признательность моим редакторам, Лиз и Эмме, которые рискнули поставить на нового автора и вынудили меня превзойти даже собственные высокие стандарты. Без вас я ни за что бы не справился.

Часть I

Тиббетс-Брук

318–319 п. в

(после Возвращения)

Оглушительно протрубил рог.

Арлен оставил работу и взглянул на рассветное небо с лиловым отливом. Туман еще цеплялся за землю, и в нем чувствовался сырой едкий запах, неприятно знакомый. Арлен ждал в утренней тиши, надеясь, что ему показалось, и в его животе сгущался липкий комок страха. Мальчику было одиннадцать лет.

После паузы рог прозвучал еще два раза подряд. Один длинный и два коротких сигнала — значит, юг и восток. Лесной поселок. У отца есть друзья среди лесорубов. Дверь позади Арлена отворилась, и он знал, что мать стоит на пороге, зажимая рот обеими руками.

Арлен вернулся к работе, понимая, что нужно спешить. Иные дела подождут до вечера, но скот надо накормить, а коров подоить. Мальчик не стал выводить животных из хлева, открыл кормушки с сеном, выставил свиньям помой и сбегал за деревянным ведром для молока. Мать уже присела на корточки перед первой коровой. Арлен взял свободный стул, и работа закипела. Струйка молока выбивала по дереву похоронный марш.

Когда они перешли к следующей паре коров, Арлен заметил, что отец с мрачным видом запрягает в телегу самую крепкую лошадь — пятилетнюю гнедую кобылу по кличке Мисси.

Что их ждет на этот раз?

Вскоре они уже сидели в телеге и катили к небольшому поселку у леса. Там было опасно — больше часа бегом до ближайшего меченого здания, — но без дерева не обойтись. Мать крепко обняла Арлена, кутаясь в поношенную шаль.

— Я уже большой мальчик, мама, — сказал Арлен. — Не надо обнимать меня, как ребенка. Я не боюсь.

Он покривил душой, но если другие дети увидят, как он цепляется за мать, то окончательно его засмеют.

— Зато я боюсь, — ответила мать. — Это меня надо обнимать.

Арлен крепко обнял ее, внезапно загордившись собой. Обмануть его она не могла, но всегда знала, что сказать.

Столб маслянистого дыма поведал горькую правду задолго до прибытия на место. Жгли мертвых. Много мертвых, коли костры развели так рано, не дожидаясь, пока все придут и помолятся. Слишком много, чтобы оплакивать каждого, если хочешь успеть до заката.

От фермы отца Арлена до Лесного поселка было больше пяти миль. К их приезду последние пожары затушили, хотя гореть было уже нечему. Пятнадцать домов превратились в

щепень и пепел.

— Лес тоже, — отец Арлена сплюнул за борт телеги и указал подбородком на обгоревшие деревьяшки.

Труды лесорубов погибли. Арлен поморщился при мысли, что хлипкому забору загона придется продержаться еще год, и немедленно устыдился. В конце концов, это всего лишь дерево.

Когда телега остановилась, к ним подошла Селия, гласная Торга. Мать Арлена порой называла ее Селией Пустоцветом. То была суровая женщина, худая и высокая, с задубелой кожей. Длинные седые волосы она стягивала в пучок; шаль носила как знак отличия. Селия не терпела глупых выходок, о чем Арлен прекрасно знал: она не раз охаживала его палкой. Но сегодня он ей обрадовался. Рядом с Селией, как и рядом с отцом, Арлен чувствовал себя в безопасности. Своих детей у нее не было, но она по-матерински опекала всех жителей Тиббетс-Брука. Мало кто мог потягаться с ней в мудрости и еще меньше — в упрямстве. Зато под крылом у Селии нечего было бояться.

— Хорошо, что ты приехал, Джеф. И Сильви, и маленький Арлен. — Селия кивнула. — Нам очень нужна помощь. Даже мальчику найдется работа.

— Я привез инструменты, — проворчал отец Арлена, слезая с телеги. — Просто скажи, что делать.

Арлен забрал драгоценные инструменты из телеги. Металл был редкостью в Бруке, и отец гордился своими двумя лопатами, киркой и пилой. Сегодня им придется изрядно потрудиться.

— Много народу погибло? — спросил Джеф, хотя легче было не знать.

— Двадцать семь, — ответила Селия.

Сильви закашлялась и закрыла рот ладонью, ее глаза наполнились слезами. Джеф снова сплюнул.

— Кто-нибудь выжил? — спросил он.

— Несколько человек. Мэнни бежал до самого моего дома в темноте.

Селия указала палкой на мальчика, смотревшего на погребальный костер. Сильви ахнула. Пробежать так много и выжить!

— Метки на доме Брайна Лесоруба продержались почти всю ночь, — продолжила Селия. — Он и его семья все видели. Кто сумел убежать от подземников — прятались в доме Брайна, пока не занялась крыша. Сидели в горящем доме, пока не затрещали балки, а после попытали счастья в предрассветных сумерках. Подземники убили жену Брайна Мину и их сына Поула, но остальные спаслись. Ожоги заживут, дети обо всем забудут, но взрослые...

Дальше можно было не объяснять. Уцелевшие часто умирали. Не все и даже не большинство, но многие. Одни накладывали на себя руки, другие просто сидели и смотрели в никуда, отказывались есть и пить и погибали от истощения. Говорили, что пережить нападение демонов мало — надо, чтобы прошел год и еще один день.

— О дюжине пока ничего неизвестно, — без особой надежды добавила Селия.

— Откопаем, — мрачно пообещал Джеф, глядя на развалины, многие из которых еще тлели. Лесорубы строили дома в основном из камня, чтобы защититься от огня, но даже камень горит, если метки подведут и в одном месте соберется достаточно огненных демонов.

Джеф вместе с остальными мужчинами и женщинами, что покрепче, принялся разгребать обломки и возить мертвецов на костер. Тела нужно сжечь, разумеется. Кому охота лежать в земле, из которой каждую ночь поднимаются демоны? Рачитель Харрал закатал

рукава рясы, обнажив толстые руки, и лично переправил тела в огонь, бормоча молитвы и рисуя в воздухе метки.

Сильви и остальные женщины присматривали за маленькими детьми и ухаживали за ранеными под руководством травницы Брука, Колин Тригг. Но никакие травы не могли облегчить боль уцелевших. Брайн Лесоруб, он же Брайн Широкие Плечи, был настоящим медведем с зычным смехом и любил подбрасывать Арлена в воздух, когда мальчик приезжал с отцом за деревом. Сейчас же Брайн сидел на пепелище своего разрушенного дома и медленно бился головой о закопченную стену. Он что-то бормотал под нос, обхватив себя за плечи, как будто замерз.

Арлену и остальным детям велели носить воду и перебирать поленицы в поисках уцелевших деревяшек. Впереди еще несколько теплых месяцев, но слишком мало, чтобы запастись дровами на зиму. Опять придется жечь навоз, и весь дом провоняет.

Арлен вновь устыдился. Он не горит в костре и не бьется головой о стену, потеряв все на свете. Есть беды пострашнее, чем пропахший навозом дом.

С каждым часом прибывало все больше деревенских жителей — с семьями и скудными припасами — из Рыбного Места и Торга, Хмельного холма и Сырого Болота. Приехали даже из Южного Дозора. Селия всех встречала страшными новостями и приставляла к работе.

Когда количество рук перевалило за сотню, мужчины удвоили усилия. Половина продолжила копать, другая обступила единственное здание в поселке, которое демоны не сровняли с землей, — дом Брайна Лесоруба. Селия увела Брайна, подставив плечо спотыкавшемуся великану. Мужчины расчистили обломки и принялись таскать новые камни. Несколько человек достали наборы для рисования меток; дети резали тростник для крыши. К ночи дом нужно восстановить.

Арлен таскал деревянные в паре с Коби Рыбаком. Куча набралась изрядная, хотя уцелела лишь капля в море. Коби — высокий крепкий парень с темными кудрями и волосатыми руками — пользовался среди детей авторитетом, основанным на грубой силе. Мало кто хотел сносить его насмешки и еще меньше — побои.

Коби издевался над Арленом много лет, и остальные дети от него не отставали. Ферма Джефа была самой северной в Бруке. До места обычного сбора детей в Торге было далеко, и большую часть свободного времени Арлен бродил по Бруку в одиночестве. Большинству детей казалось, что принести его в жертву Коби вполне справедливо.

Каждый раз, когда Арлен хотел порыбачить или проходил мимо Рыбного Места по пути в Торг, Коби и его дружки прознавали об этом и караулили в одном и том же месте по дороге домой. Иногда они просто обзывались или толкали Арлена, но порой он возвращался в крови и синяках, и мать ругала его за драку.

В конце концов Арлену это надоело. Он припрятал крепкую палку и, когда Коби и его дружки в очередной раз напали, притворно обратился в бегство, а после выхватил оружие словно ниоткуда и принялся наступать, размахивая палкой.

Коби досталось первому. Он со слезами упал в грязь, кровь бежала из уха. Виллumu Арлен сломал палец, а Гарт потом больше недели прихрамывал. Драка не добавила Арлену популярности, и отец его высек, но зато мальчишки его больше не трогали. Коби до сих пор обходил Арлена стороной, хотя был намного крупнее, и вздрагивал, если Арлен делал резкое движение.

— Уцелевшие! — внезапно крикнул Бил Пекарь у развалин дома на краю поселка. — Я слышу, как они скребутся в погребу!

Все немедленно бросили другие дела и поспешили к Билу. На расчистку ушло бы слишком много времени, и мужчины начали копать с молчаливым рвением. Вскоре они пробили стену погребца и вытащили уцелевших — грязных, перепуганных, но вполне живых. Трех женщин, шестерых детей и одного мужчину.

— Дядя Чоли! — завопил Арлен, и мать мгновенно подхватила брата, который шатался, как пьяный. Арлен подбежал к ним и нырнул под другую руку дяди.

— Чоли, как ты здесь оказался? — спросила Сильви.

Чоли редко покидал мастерскую в Торге. Мать Арлена любила вспоминать, как они с братом работали в кузнице, пока Джеф не начал нарочно портить подковы лошадям, чтобы подбить к ней клинья.

— Ладился к Ане Лесоруб, — пробормотал Чоли.

Он дернул себя за волосы, в которых уже светились проплешины.

— Только мы открыли люк в погреб, как демоны прорвались сквозь метки...

Чоли осел на землю, увлекая за собой Арлена и Сильви. Он плакал, стоя на коленях в пыли.

Арлен посмотрел на других уцелевших. Аны Лесоруб среди них не было. У Арлена перехватило дыхание, когда мимо прошли дети. Он знал их всех до единого; знал их семьи, их дома снаружи и изнутри, клички их животных. Дети на мгновение встречались с ним глазами, и он словно сам переживал нападение демонов. Их швыряли в тесную дыру в земле, а те, кто не поместился, поворачивались к подземникам и огню. Внезапно Арлен начал задыхаться и пришел в себя, только когда Джеф хлопнул его по спине.

* * *

Они доедали холодный обед, когда на дальней стороне Брука протрубил рог.

— Второй раз за день? — ахнула Сильви, прикрыв ладонью рот.

— Ха! — фыркнула Селия. — Среди белого дня? Головой думай, девочка!

— Тогда что?..

Не обращая на нее внимания, Селия отправилась за сигнальщиком. Кевен Зыбун держал рог наготове, как и все жители Сырого Болота. В топах легко разделить, и никому неохота блуждать в одиночестве, когда встают болотные демоны. Кевен раздул щеки, словно лягушка — горло, и извлек несколько нот.

— Рог вестника, — пояснил Коран Зыбун. Старик был гласным Сырого Болота и отцом Кевена. — Наверное, увидели дым. Кевен объясняет, что случилось и куда все подевались.

— Весной? — удивился Арлен. — Я думал, вестники приходят осенью, после сбора урожая. Мы только прошлой луной закончили сев!

— Прошлой осенью вестника не было. — Коран пожевал корешок и сплюнул пенный бурый сок через прореху в зубах. — Мы боялись, с ним что-то стряслось. Думали, не видать нам соли раньше следующей осени. Или что подземники захватили Свободные города и мы отрезаны.

— Подземникам никогда не захватить Свободные города, — возразил Арлен.

— Арлен, ну-ка замолчи! — прошипела Сильви. — Как ты разговариваешь со старшими?

— Пусть мальчик говорит, — сказал Коран. — Сынок, ты бывал когда-нибудь в

Свободном городе?

— Нет, — признал Арлен.

— А знаешь того, кто бывал?

— Нет.

— Тогда с чего ты мнишь себя знатоком? — спросил Коран. — Никто там не бывал, кроме вестников. Только они не боятся путешествовать по ночам. Свободные города, может, ничем не лучше Брука. Подземники могут добраться до нас, а значит, сумеют и до них.

— Старый Хряк родом из Свободных городов, — вспомнил Арлен.

Руско Хряк был главным местным богачом. Он держал лавку — средоточие всей торговли Тиббетс-Брука.

— Верно, — подтвердил Коран, — и старый Хряк признался давным-давно, что одного путешествия с него довольно. Он собирался вернуться через несколько лет, но решил, что незачем так рисковать. Спроси у него, безопаснее в Свободных городах, чем у нас, или нет.

Арлен не хотел в это верить. В мире должны быть надежные места. Но он снова представил, как его швыряют в погреб, и понял, что ночью опасно везде.

Вестник прибыл через час. Это был высокий мужчина немного за тридцать, со стриженными волосами и короткой густой бородой. Его широкие плечи укрывала кольчуга, на нем был длинный темный плащ, штаны из толстой кожи и сапоги. Шкура его гнедой лошади лоснилась. К седлу была приторочена сумка с копьями. Вестник подъехал с мрачным видом, высоко держа голову и расправив плечи. Оглядел толпу, легко нашел гласную — Селия раздавала приказы — и повернул к ней лошадь.

В нескольких шагах позади вестника на тяжело груженной телеге, запряженной парой темно-гнедых мулов, ехал жонглер. Его одежда была сшита из разноцветных лоскутов, на скамье рядом с ним лежала лютя. Арлен никогда еще не видел людей с такими волосами — цвета молодой морковки. Кожа жонглера была бледной, словно не знала солнца. Он горбился и выглядел усталым.

Ежегодного вестника непременно сопровождал жонглер. Для детей и некоторых взрослых жонглер был важнее вестника. Сколько Арлен себя помнил, жонглер приезжал один и тот же — седой, но бойкий и жизнерадостный. Новый жонглер был моложе, но выглядел угрюмым. Дети немедленно подбежали к нему, и молодой жонглер восторженно встретил их. Может, Арлену померещилось, что он чем-то расстроен? Жонглер мигом соскочил с телеги, и разноцветные шарики замелькали в воздухе под восторженные крики детворы.

Остальные, в том числе Арлен, бросили работу и двинулись к чужакам.

— День не станет длиннее оттого, что приехал вестник! — рявкнула Селия. — За работу!

Все заворчали, но вернулись к делам.

— Кроме тебя, Арлен, — уточнила Селия. — Поди сюда.

Арлен оторвал взгляд от жонглера и подошел к Селии одновременно с вестником.

— Селия Пустоцвет? — спросил вестник.

— Просто Селия, — сухо ответила женщина.

Глаза вестника широко распахнулись, он смутился, его бледные щеки густо покраснели над бородой. Он соскочил с коня и низко поклонился.

— Прошу прощения, — произнес он. — Сглупил. Грег, ваш обычный вестник, говорил, что вас так зовут.

— Приятно узнать, что Грег обо мне думает после стольких лет. — Судя по голосу,

Селии вовсе не было приятно.

— Думал, — поправил вестник. — Он умер, госпожа.

— Умер? — Селия помрачнела. — От...

Вестник покачал головой:

— Его сгубила простуда, а не подземники. Я Раген. Вдова Грега попросила меня стать вашим вестником в этом году. Гильдия изберет для вас нового. Он приступит следующей осенью.

— Опять полтора года ждать вестника? — Селия, похоже, готовилась закатить скандал. — Мы едва пережили зиму без осенней соли. Вы в Милне не слишком цените соль, но половина нашего мяса и рыбы испортилась без надлежащей обработки. А письма?

— Простите, госпожа. Ваши города далеко от хоженных дорог, и накладно каждый год платить вестнику за путешествие длиной в месяц и дольше. Гильдии вестников не хватает людей с тех пор, как Грег подцепил простуду.

Раген хохотнул и покачал головой, но заметил, что Селия поджала губы.

— Без обид, госпожа. Он был и моим другом. Просто... немногие вестники встречают смерть под собственной крышей, на мягкой кровати и с молодой женой под боком. Ночь обычно забирает нас раньше.

— Я понимаю, — сказала Селия. — Раген, вы женаты?

— Да, — ответил вестник, — но, к ее радости и моему горю, я вижу своего коня чаще, чем супругу.

Он засмеялся, смутив Арлена. Что смешного, если жена по тебе не скучает?

Селия не обратила внимания.

— А если бы вы ее вовсе не видели? — спросила она. — Обменивались письмами раз в год? Вам бы понравилось, задержись ваши письма на полгода? В Тиббетс-Бруке у многих есть родственники в Свободных городах. Уехали с кем-то из вестников, иные — два поколения назад. Домой они не вернутся. Нас с ними и их с нами связывают только письма.

— Я совершенно с вами согласен, госпожа, — ответил Раген, — но решение принимаю не я. Герцог...

— Но вы поговорите с герцогом по возвращении? — спросила Селия.

— Да.

— Написать вам письмо?

Раген улыбнулся:

— Я запомню, госпожа.

— Уж постарайтесь.

Раген снова поклонился, еще ниже:

— Простите, что явился в такой горестный день.

Он взглянул на погребальный костер.

— Мы не можем приказывать дождю, ветру, холоду, — сказала Селия. — Не можем и подземникам. Жизнь должна продолжаться, несмотря ни на что.

— Жизнь продолжается, — согласился Раген, — но мы с жонглером охотно вам пособим. У меня крепкая спина, и я не раз лечил раны, нанесенные подземниками.

— Ваш жонглер уже помогает. — Селия кивнула в сторону юноши, который пел и показывал трюки. — Развлекает малышей, пока их родные работают. Что до вас, мне придется изрядно потрудиться в ближайшие дни, если мы хотим оправиться от этой утраты. У меня нет времени разносить письма и читать вслух тем, кто не выучился грамоте.

— Я могу читать неграмотным, госпожа, — предложил Раген, — но слишком плохо знаю ваш город, чтобы разносить письма.

— И не надо. — Селия поставила Арлена перед собой. — Арлен отведет вас в лавку в Торге. Передайте письма и посылки Руско Хряку, когда доставите соль. Прослышав про соль, народ хлынет в лавку, а Руско один из немногих, кто знает буквы и цифры. Старый жулик будет ныть и требовать денег. Скажите ему, что в трудные времена все должны работать на благо города. Скажите, чтобы раздавал письма и читал неграмотным, не то я пальцем не пошевелю, когда его в очередной раз захотят вздернуть.

Раген пристально посмотрел на Селию, возможно подозревая, что она шутит, но ее каменное лицо было бесстрастным. Он снова поклонился.

— Не мешкайте, — сказала Селия. — Шевелите ногами и успеете вернуться, прежде чем мы снимемся на ночь. Если вы с жонглером не хотите платить Руско за комнату, любой из нас охотно предложит вам кров.

Селия шуганула их прочь и принялась бранить тех, кто прервал работу, чтобы поглазеть на чужаков.

* * *

— Она всегда такая... напористая? — спросил Раген, когда они с Арленом направились к жонглеру, развлекавшему самых маленьких детей. Остальных приставили обратно к работе.

Арлен фыркнул:

— Слышали бы вы, как она говорит со стариками! Вы еще легко отделались, назвав ее Пустоцветом.

— Грег сказал, ее все так зовут, — возразил Раген.

— Зовут, — согласился Арлен, — да только не в лицо. Кому охота брать подземника за рога? Когда Селия говорит, все стоят навтыжку.

Раген хмыкнул.

— А ведь она просто старая дочь, — пробормотал он. — В местах, откуда я родом, только матери требуют, чтобы все стояли перед ними навтыжку.

— А в чем разница? — спросил Арлен.

Раген пожал плечами.

— Честно говоря, не знаю, — признал он. — В Милне так заведено. Люди правят миром, а матери рожают людей, потому и играют первую скрипку.

— У нас так не принято.

— Деревеньки — другое дело, — ответил Раген. — Слишком мало людей, чтобы ими разбрасываться. Но в Свободных городах все иначе. За исключением Милна, женщин нигде не слушают.

— Ну и глупо, — пробормотал Арлен.

— Еще как.

Вестник остановился и передал Арлену поводья своего скакуна.

— Подожди минутку. — Он направился к жонглеру.

Мужчины отошли в сторону поговорить, и Арлен заметил, как лицо жонглера снова изменилось: стало злым, обиженным и, наконец, покорным. Лицо Рагена оставалось непроницаемым.

Не спуская колючего взгляда с жонглера, вестник поманил Арлена. Мальчик подвел коня.

— ...Мне плевать, что ты устал, — скрипучим шепотом выговаривал Раген. — Этим людям предстоит скверная работенка, и если тебе придется танцевать и жонглировать весь день, чтобы развлекать их детей, будь любезен постараться! А теперь улыбнись — и вперед!

Раген выхватил у Арлена поводья и сунул их жонглеру.

Арлен хорошо рассмотрел лицо молодого жонглера, полное возмущения и страха. Тот заметил мальчика, по его лицу пробежала рябь, и он снова стал веселым, бойким плясуном.

Раген отвел Арлена к телеге, и оба забрались в нее. Раген хлестнул поводьями, и они повернули на грязную тропу, что вела к главной дороге.

— О чем вы спорили? — спросил Арлен, подскакивая на ухабах.

Вестник глянул на него и пожал плечами.

— Кирин впервые покинул город так надолго, — ответил он. — Он неплохо себя зарекомендовал, пока нас было много и удавалось спать в крытом фургоне, но когда мы откололись от каравана в Энджирсе, отваги у него поубавилось. Он до трясучки боится подземников, и в его обществе не слишком-то весело.

— А с виду и не скажешь. — Арлен обернулся на парня, ходившего колесом.

— У лицедеев свои секреты, — сказал Раген. — Они так ловко притворяются, что и сами порой рады обмануться. Кирин прикидывался храбрым. Он прошел проверку гильдии, но узнать, как человек поведет себя через две недели пути, можно только через две недели пути.

— Как вам удастся ночевать на дорогах? — спросил Арлен. — Папа говорит, что рисовать метки на земле — напрашиваться на неприятности.

— Он прав. Посмотри в отсеке под ногами.

Арлен достал большой мешок из мягкой кожи. Внутри лежала узловатая веревка с лакированными деревянными плашками размером больше ладони Арлена. Мальчик вытаращился на вырезанные в дереве метки, покрытые краской.

Арлен сразу понял, что это такое: переносной охранный круг, достаточно большой, чтобы в него поместилась телега, и не только.

— В жизни такого не видел! — восхитился мальчик.

— Их нелегко изготовить, — пояснил Раген. — Большинство вестников ходит в учениках, пока не отточит мастерство. Ни ветер, ни дождь не сотрут эти метки. И все же до меченых стен и двери им далеко.

Он повернулся и всмотрелся в Арлена.

— Встречал ли ты когда-нибудь подземника лицом к лицу, мальчик? — спросил он. — Смотрел, как он кидается на тебя и тебе некуда бежать и не на что надеяться, кроме невидимой магии?

Раген покачал головой.

— Возможно, я слишком суров к Кирину. Он успешно прошел проверку. Закричал, но это вполне естественно. Ночь за ночью — другое дело. Иные не выдерживают напряжения, вечно переживают, что случайный листок упадет на метку и тогда...

Он внезапно зашипел, махнул на Арлена скрюченной рукой и засмеялся, когда мальчик подскочил.

Арлен провел большим пальцем по гладким лакированным меткам, ощущая их силу. На каждом футе веревки было по плашке — почти столько же, сколько на любом меченом

здании. Арлен насчитал больше сорока шпук.

— А разве воздушные демоны не могут залететь в такой большой круг? — спросил он. — Папа вбивает столбы, чтобы они не приземлялись на поля.

Вестник немного удивился:

— Твой отец напрасно тратит время. Воздушные демоны — прекрасные летуны, но им нужно разбежаться или спрыгнуть с обрыва, чтобы взлететь. Много ли места на кукурузном поле? Так что вряд ли они приземлятся, разве только заметят что-нибудь особенно соблазнительное — например, мальчонку, уснувшего в поле на спор.

Он посмотрел на Арлена в точности как Джеф, когда предупреждал, что с подземниками шутить нельзя. Как будто Арлен не знал!

— Кроме того, воздушные демоны разворачиваются по широкой дуге, — продолжил Раген, — и у большинства размах крыльев шире этого круга. Возможно, воздушный демон и может проникнуть в круг, но я такого не видел. Если же проникнет...

Он указал на длинное толстое копьё, которое держал под рукой.

— Подземника можно убить копьем? — спросил Арлен.

— Вряд ли, но я слышал, что их можно оглушить, если пригвоздить к меткам, — хохотнул Раген. — Надеюсь, мне не доведется проверить.

Арлен смотрел на него во все глаза.

Раген внезапно посерьезнел:

— Быть вестником — опасное занятие, мальчик.

Арлен долго не отводил взгляд.

— Повидать Свободные города того стоит, — наконец сказал он. — На что похож Форт Милн?

— Это самый богатый и красивый город на свете. — Раген задрал рукав кольчуги и показал татуировку на предплечье: город между двух гор. — В Герцогских копиях не переводятся соль, металл и уголь. Стены и крыши так густо покрыты метками, что демоны редко проверяют их на прочность. Когда солнце светит на стены Милна, даже горы стыдятся своего убожества.

— Я никогда не видел гор. — Арлен восторженно провел по татуировке пальцем. — Папа говорит, что это просто большие холмы.

— Видишь тот холм? — Раген указал на север от дороги.

Арлен кивнул:

— Это Хмельной холм. С него видно весь Брук!

— Ты знаешь, что такое «сто», Арлен? — спросил Раген.

Арлен снова кивнул:

— Десять пар рук.

— Так вот, даже самая маленькая гора больше ста ваших Хмельных холмов, поставленных друг на друга, а горы Милна не маленькие.

Арлен попытался представить подобную высоту.

— Наверное, они касаются неба.

— Некоторые даже выше, — похвастал Раген. — С вершины видно облака под ногами.

— Хотел бы я это увидеть!

— Можешь вступить в гильдию вестников, когда подрастешь, — предложил Раген.

Арлен покачал головой.

— Папа говорит, что те, кто уезжает, — предатели, — сказал он. — И сплевывает под

ноги.

— Твой отец понятия не имеет, о чем судит, — отрезал Раген. — Плюй не плюй, а без вестников погибнут даже Свободные города.

— Разве Свободные города не в безопасности? — удивился Арлен.

— Никто не в безопасности, Арлен. По-настоящему — никто. В Милне больше людей, чем в Тиббетс-Бруке, и они проще относятся к смерти, но подземники каждый год наносят тяжелый урон.

— А сколько людей в Милне? — спросил Арлен. — У нас в Тиббетс-Бруке — девять сотен, и в Солнечном Выгоне, что дальше по дороге, почти столько же.

— У нас в Милне больше тридцати тысяч жителей, — с гордостью ответил Раген.

Арлен недоуменно посмотрел на него.

— Тысяча — это десять сотен, — пояснил вестник.

Арлен на мгновение задумался и покачал головой:

— Но в мире нет столько людей!

— Есть, и намного больше, — возразил Раген. — Мир велик для тех, кто не боится бросить вызов темноте.

Арлен не ответил, и некоторое время они ехали в тишине.

* * *

Часа через полтора повозка докатилась до Торга. В Торге, центре Брука, было несколько дюжин меченых деревянных домов тех, кому не надо гнуть спину на пашне или рисовом поле, ловить рыбу или рубить лес. Здесь можно было найти портного и пекаря, кузнеца, бондаря и прочих ремесленников.

В центре общины находилась площадь, где собирались люди и стояло самое большое здание в Бруке — лавка. В просторной передней комнате располагались столы и барная стойка, в еще более просторной задней комнате — кладовая, а внизу — подвал, в котором хранились почти все ценности Брука.

Кухней заправляли дочери Хряка, Дэзи и Кэтрин. Сытный обед стоил два кредита, но Сильви называла старого Хряка мошенником, так как за два кредита можно купить сырого зерна на неделю. И все же многие неженатые мужчины платили непомерную цену — не только за еду. Дэзи была глуповата, Кэтрин — толста, но дядя Чоли поговаривал, что тот, кто женится на одной из них, будет как сыр в масле кататься.

Все жители Брука несли Хряку плоды своего труда — кукурузу, мясо и мех, горшки и ткань, мебель и инструменты. Хряк пересчитывал добычу и выдавал кредиты, которые принимали в его лавке.

Продавал Хряк намного дороже, чем покупал. Даже Арлен знал цифры достаточно хорошо, чтобы это понимать. Люди не раз крепко спорили с Хряком о цене, но он твердо стоял на своем. Почти все ненавидели Хряка, но и нуждались в нем и потому сдували с него пылинки и распахивали перед ним двери, а не плевали ему вслед.

Остальные жители Брука трудились от зари до темна и едва сводили концы с концами, но у Хряка и его дочерей были розовые щеки, круглые животы и чистая новая одежда. Арлену же приходилось кутаться в коврик, когда мать затевала стирку.

Раген и Арлен привязали мулов перед лавкой и вошли внутрь. В баре никого не было.

Обычно в пивной вкусно пахло жареным салом, но сегодня на кухне, похоже, ничего не готовили.

Арлен первым подбежал к барной стойке. Руско захватил из Свободных городов бронзовый колокольчик. Арлен его обожал. Мальчик стукнул по нему ладонью и расплылся в улыбке, услышав чистый звон.

В задней комнате раздался глухой шум, и из-за занавески за барной стойкой вышел Руско. Он был здоровяком, еще крепким и статным в свои шестьдесят, но над поясом нависало мягкое брюхо, а седые волосы над морщинистым лбом поредели. На Руско были легкие брюки, кожаные туфли и чистая белая рубашка из хлопка. Закатанные рукава обнажали мясистые предплечья. На белом фартуке — ни пятнышка, как и всегда.

— Арлен Тюк. — Он терпеливо улыбнулся при виде мальчика. — Пришел поиграть с колокольчиком или по делу?

— Это я пришел по делу. — Раген выступил вперед. — Ты Руско Хряк?

— Просто Руско, — ответил лавочник. — Городские за глаза зовут меня Хряком. В чужих руках кусок больше кажется.

— Опять, — пробормотал Раген.

— Что-что? — не понял Руско.

— Опять меня подвел путевой дневник Грега. Сегодня утром я назвал Селию Пустоцветом.

— Ха! — засмеялся Руско. — Неужели? За это стоит выпить. Как, говоришь, тебя зовут?

— Раген. — Вестник бросил на пол тяжелую сумку и сел за барную стойку.

Руско вынул пробку из бочонка и сдернул с крюка деревянную кружку. Эль был густым, медовым, с шапкой белой пены. Руско налил Рагену и себе. Взглянул на Арлена и наполнил ему кружку поменьше.

— Иди за стол и не мешай взрослым разговаривать, — велел он. — И не проболтайся матери, что я налил тебе выпить, если не хочешь неприятностей.

Арлен просиял и убежал с добычей, пока Руско не передумал. Мальчик пробовал эль из отцовской кружки по праздникам, но целой разжился впервые.

— Я уж начал бояться, что никто не приедет, — сказал Руско Рагену.

— Грег подхватил простуду перед самым отъездом прошлой осенью. — Раген припал к кружке. — Травница посоветовала отложить путешествие, но наступила зима, и Грегу становилось все хуже. Перед смертью он попросил меня забрать его маршрут, пока гильдия не найдет нового вестника. Мне все равно надо было вести караван с солью в Энджирс, так что я добавил лишнюю телегу и завернул к вам перед возвращением на север.

Руско забрал его кружку и наполнил снова.

— За Грега, — сказал он, — доброго вестника, который торговался как проклятый.

Раген кивнул. Мужчины чокнулись и выпили.

— Еще? — спросил Руско, когда Раген стукнул кружкой по стойке.

— Грег писал в дневнике, что ты тоже торгуешься как проклятый, — заметил Раген, — и попытаешься меня напоить.

Руско засмеялся и налил по новой:

— Как ударим по рукам, не пить тебе за счет заведения.

Он протянул кружку Рагену, сам же был ни в одном глазу.

— Пить, если хочешь, чтобы твоя почта добралась до Милна, — ухмыльнулся Раген и взял кружку.

— Смотрю, с тобой сладить не проще, чем с Грегом, — проворчал Руско, наливая себе эля. Пена полилась через край. — Будем оба торговаться навеселе.

Они засмеялись и снова чокнулись.

— Что нового в Свободных городах? — осведомился Руско. — Красийцы по-прежнему ищут гибели?

Раген пожал плечами:

— Судя по всему. Я перестал ездить в Красию несколько лет назад, когда женился. Слишком далеко и слишком опасно.

— А не потому, что они заворачивают своих женщин в одеяла? — спросил Руско.

Раген засмеялся:

— И потому тоже, но в основном из-за того, что они считают всех северян, даже вестников, трусами, раз мы не ищем приключений по ночам.

— Может, им бы меньше хотелось сражаться, если бы они больше смотрели на своих женщин, — пробормотал Руско. — А Энджирс и Милн? Герцоги продолжают цапаться?

— Как обычно, — ответил Раген. — Юкору нужно энджирское дерево для плавильных цехов и зерно для людей. Райнбеку нужен милнский металл и соль. Им приходится торговать, чтобы выжить, но они только и делают, что пытаются друг друга надуть, особенно если груз пропал по пути. Прошлым летом демоны напали на караван со сталью и солью. Убили возчиков, но товары не тронули. Райнбек забрал добро и отказался платить, — мол, что упало, то пропало.

— Герцог Юкор наверняка пришел в ярость, — заметил Руско.

— Не то слово, — подтвердил Раген. — Это я сообщил ему новость. Он побагровел и поклялся, что Энджирс не получит ни унции соли, пока Райнбек не заплатит.

— Райнбек заплатил? — оживился Руско.

Раген покачал головой:

— Они брали друг друга измором несколько месяцев, пока гильдия купцов не заплатила. Товары надо было отправить до наступления зимы, не то они сгнили бы на складах. Теперь Райнбек злится на купцов за то, что уступили Юкору, но зато герцог сохранил лицо и торговля возобновилась, а это главное для всех, кроме двух бешеных псов.

— Следи за языком, — предупредил Руско, — даже в нашей глуши.

— А кто донесет? — спросил Раген. — Ты? Мальчик?

Он указал на Арлена. Мужчины засмеялись.

— Теперь придется сообщить Юкору о Ривербридже, и станет еще хуже, — сказал Раген.

— Городок на границе Милна, — припомнил Руско, — не больше дня езды от Энджирса. Есть у меня там знакомые...

— Больше нет, — выразительно произнес Раген, и мужчины помолчали. — Хватит дурных новостей. — Раген поставил свою сумку на стойку.

Руско с сомнением оглядел ее.

— На соль не похоже, — заметил он, — и вряд ли мне прислали столько писем.

— Шесть писем и ровно дюжина посылок.

Раген протянул Руско стопку бумаги.

— Здесь перечислены все письма в сумке и посылки в телеге, которые надо раздать. Я оставил Селии копию, — предупредил он.

— И что мне делать с этим списком и твоей сумкой? — спросил Руско.

— Гласная занята и не может разносить письма и читать неграмотным. Она приставила к этому делу тебя.

— И что я получу за то, что буду тратить свое время на местных?

— Разве не приятно удружить ближнему?

Руско фыркнул:

— Я приехал в Тиббетс-Брук не для того, чтобы заводить друзей. Я деловой человек и много делаю для этого городка.

— Неужели? — спросил Раген.

— Чертовски много. До моего приезда они только и умели, что меняться, — с отвращением произнес Руско и сплюнул на пол. — Приносили товары на площадь каждый седьмак и спорили, сколько бобов стоит початок кукурузы или сколько риса дать бондарю, чтобы он смастерил бочонок для риса. Не получил, что нужно, в седьмак — жди следующий или обивай пороги. А теперь все приходят ко мне в любой день, от рассвета до заката, и обменивают товары на кредиты, чтобы купить все, что надо.

— Да ты прямо спаситель города, — криво усмехнулся Раген. — И ничего не просишь взамен.

— Только то, что мне причитается, — усмехнулся Руско.

— И часто деревенские хотят тебя вздернуть за обман?

Тот сощурился:

— Слишком часто, учитывая, что половина из них считает только до десяти, а другая — до двадцати.

— Селия сказала, что если не внесешь свой вклад, то в следующий раз можешь на нее не рассчитывать. — Голос Рагена внезапно стал жестким. — Жителям поселка выпала доля пострашнее, чем читать чужую почту.

Руско нахмурился, но взял список и отнес тяжелую сумку в кладовую.

— Кстати, как там дела? — спросил он, вернувшись.

— Плохо, — ответил Раген. — Пока двадцать семь, и еще не всех нашли.

— Создатель! — Руско начертил метку в воздухе. — Я думал, что в худшем случае — одна семья.

— Если бы.

Оба мгновение помолчали, соблюдая приличия, и одновременно посмотрели друг на друга.

— Соль? — спросил Руско.

— Рис для герцога? — спросил Раген.

— Всю зиму придерживал, ты изрядно запоздал.

Раген сощурился.

— Рис в целости! — Руско всплеснул руками, словно молил о пощаде. — Все бочонки запечатаны, сухие, и мышей у меня отроду не водилось!

— Я должен проверить, сам понимаешь, — отозвался Раген.

— Конечно, конечно! Арлен, принеси лампу! — Руско указал на угол барной стойки.

Арлен бросился к фонарю, высек огонь, запалил фитиль и бережно опустил стекло. Ему впервые разрешили прикоснуться к стеклу. Оно оказалось холоднее, чем он думал, но быстро нагрелось от языков пламени.

— Посвети нам в подвале, — приказал Руско.

Арлен пытался сдержать возбуждение. Ему давно хотелось заглянуть за барную стойку.

Поговаривали, что, если все жители Брука сложат свое добро в одну кучу, ей будет далеко до чудес подвала Хряка.

Арлен в оба глаза смотрел, как Руско тянет за кольцо в полу и открывает широкий проем. Мальчик бросился к лестнице, опасаясь, что старый Хряк передумает. Он спустился по скрипучим ступеням, держа фонарь повыше над головой, чтобы освещать путь. Свет выхватил штабеля ящиков и бочонков от пола до потолка, ровными рядами уходившие во тьму. Деревянный пол мешал подземникам подняться в подвал прямо из Недр, но на стойках вдоль стен были вырезаны метки. Старый Хряк берег свои сокровища.

Лавочник прошел между полками к запечатанным бочонкам в глубине подвала.

— С виду непорченые. — Раген осмотрел дерево, мгновение подумал и выбрал бочонок наугад. — Этот.

Руско с кряхтеньем вытащил нужный бочонок. Кое-кто считал его занятие легким, но его руки были крепкими и могучими, как будто он день-деньской махал топором или косой. Он сломал печать, снял крышку с бочонка, зачерпнул рис и насыпал в плошку.

— Прекрасный болотный рис, — сказал он вестнику, — ни долгоносиков, ни гнили. В Милне оторвут с руками, тем более после такого перерыва.

Раген хмыкнул и кивнул. Бочонок запечатали заново и вернулись наверх.

Мужчины долго спорили, сколько бочонков риса стоят тяжелые кули соли в телеге. Наконец ударили по рукам. Оба выглядели недовольными.

Руско позвал дочерей, и все вышли к телеге разгружать соль. Арлен попытался поднять мешок, но не удержал, споткнулся, упал и уронил свою ношу.

— Осторожнее! — Дэзи отвесила ему подзатыльник.

— Не можешь носить — держи дверь! — рявкнула Кэтрин. Один мешок она несла на плече, другой — под мышкой мясистой руки.

Арлен вскочил и бросился к двери.

— Сбегай за Фердом Мельником и скажи, что мы заплатим пять... нет, четыре кредита за каждый смолотый мешок, — велел Руско Арлену. Почти все в Бруке так или иначе работали на Хряка, особенно жители Торга. — Пять — если упакует соль в бочонки с рисом, чтобы защитить от сырости.

— Ферд в Лесном поселке, — ответил Арлен. — Почти все там.

Руско заворчал, но ничего не сказал. Скоро в телеге осталось лишь несколько коробок и мешков, в которых была не соль. Дочери Руско жадно разглядывали коробки и мешки, но помалкивали.

— Вечером мы поднимем рис из подвала в кладовую — пусть ждет твоего отъезда в Милн, — объявил Руско, когда последний мешок скрылся в доме.

— Спасибо.

— Стало быть, с герцогскими делами покончено? — усмехнулся лавочник и понимающе взглянул на оставшиеся в телеге коробки и мешки.

— С герцогскими — покончено. — Раген усмехнулся в ответ.

Арлен надеялся, что ему перепадет еще эля, пока мужчины будут торговаться. От выпитого у него звенело в голове, как при простуде, только без кашля и боли. Ощущение ему понравилось, и он был не прочь пропустить еще кружку.

Он помог отнести коробки и мешки в пивную, и Кэтрин вынесла тарелку бутербродов с толстыми ломтями мяса. Арлену налили вторую кружку эля, чтобы запить еду, и старый Хряк пообещал записать на его счет два кредита за помощь.

— Я тебя не выдам, — пообещал Хряк, — но если ты потратишь кредиты на эль и родители это просекут, тебе придется отработать взбучку, которую мне задаст твоя мама.

Арлен закивал. У него никогда еще не было своих кредитов.

После обеда Руско и Раген подошли к барной стойке и вскрыли коробки и мешки. Глаза Арлена вспыхивали при виде каждого очередного сокровища. Рулоны невероятно тонкой ткани, металлические инструменты и гвозди, глиняная посуда и экзотические пряности! И даже несколько кубков из ослепительно сверкающего стекла!

Хряк был не слишком доволен.

— Грег в прошлом году привез товар получше, — молвил он. — Предлагаю... сто кредитов за все.

У Арлена отвисла челюсть. Сто кредитов! На эти деньги можно купить половину Брука!

Но Рагена сумма не впечатлила. Он посуровел и грохнул кулаком по столу. Дэзи и Кэтрин, прибиравшиеся в лавке, испуганно взглянули на него.

— В Недра твои кредиты! — прорычал он. — Я тебе не деревенский мужлан. Думай, с кем говоришь, не то ослаблю в гильдии как обманщика.

— Без обид! — засмеялся Руско, примирительно маша руками. — А вдруг прокатило бы... сам понимаешь. В Милне по-прежнему любят золото?

Он лукаво улыбнулся.

— Как и везде. — Раген еще хмурился, но злости в его голосе не было.

— Только не здесь, — повысив голос, Руско рылся за занавеской. — Здесь ценят только то, что можно съесть или надеть, чем можно рисовать метки или вспахивать поле.

Через мгновение он вернулся и со звоном бросил на стойку большой тряпичный мешок.

— Местные жители забыли, что золото правит миром. — Он достал из мешка две тяжелые желтые монеты и повертел ими под носом у Рагена. — Мельниковы дети играли ими в шашки! В шашки! Я предложил им обменять золото на резную деревянную игру, которая завалилась у меня в кладовой. Они были счастливы! Ферд даже пришел на следующий день меня благодарить!

Руско утробно засмеялся. Его смех был оскорбителен, но Арлен не понимал почему. Он много раз играл в мельникову игру, и она казалась намного дороже пары металлических кругляшей, как бы они ни блестели.

— Двумя солнцами ты не отделаешься. — Раген кивнул на монеты и посмотрел на мешок.

Руско улыбнулся:

— Не беспокойся. — Он распустил завязки мешка.

По стойке раскатились золотые монеты, цепи, кольца, нитки сверкающих камней. Красиво, конечно, но почему глаза Рагена так жадно заблестели?

Торговля продолжилась. Раген подносил камни к свету и пробовал монеты на зуб. Руско щупал ткань, дегустировал пряности. Голова Арлена кружилась от эля, перед глазами все плыло. Кэтрин наливала мужчинам кружку за кружкой, но они казались совершенно трезвыми.

— Двести двадцать золотых солнц, две серебряные луны, цепь и три серебряных кольца, — наконец сказал Руско. — И ни медяком больше.

— Неудивительно, что ты застрял в этом болоте, — заметил Раген. — Из города выгнали за обман?

— Оскорбляй не оскорбляй, а богаче не станешь.

Хряк не сомневался, что взял верх.

— Не стану, — подтвердил Раген. — За вычетом путевых издержек, все до последнего медяка получит вдова Грега.

— А! Женья, — мечтательно протянул Руско. — Она писала письма за некоторых милнских неграмотных, в том числе моего идиота-племянника. Что ее ждет?

Раген покачал головой:

— Гильдия не заплатила ей за смерть Грега, поскольку он умер в своей постели. А раз она не мать, многие пути ей заказаны.

— Прискорбно.

— Грег оставил немного денег, — продолжил Раген, — хотя особого богатства не нажил, и гильдия продолжит платить за письма. Выручка с этой поездки поможет Жене продержаться. Но она молода, и деньги рано или поздно закончатся, если она не выйдет замуж или не найдет работу получше.

— И что тогда? — спросил Руско.

Раген пожал плечами:

— Ей будет трудно найти нового мужа, поскольку она не смогла родить детей старому, но нищенкой она не станет. Мы с братьями по гильдии поклялись в этом. Один из нас возьмет ее в служанки.

Руско покачал головой:

— И все же из купчих в служанки... — Он полез в изрядно похудевший мешок и достал кольцо с прозрачным сверкающим камнем. — Передай это Жене.

Раген потянулся к кольцу, но Руско отдернул руку:

— Пусть напишет ответ. Мне знаком ее почерк.

Раген не сводил с него глаз, и Руско поспешно добавил:

— Без обид.

Раген улыбнулся:

— Твоя щедрость важнее обиды. — Он взял кольцо. — Жене много месяцев не придется голодать.

— Ладно, ладно, — грубо сказал Руско, забирая остатки золота, — только деревенским не говори, а то перестанут считать меня жуликом.

— Твоя тайна умрет вместе со мной, — рассмеялся Раген.

— Ты мог бы еще заработать для Жени, — сказал Руско.

— Неужели?

— Наши письма должны были отправиться в Милн полгода назад. Останься на пару дней, пока мы пишем и собираем новые. Напиши пару писем для неграмотных. Я заплачу. Не золотом, — уточнил он, — но Жене может пригодиться бочонок риса, соленая рыба или мука.

— Еще как, — согласился Раген.

— Найдется работа и для жонглера, — добавил Руско. — В Торге он соберет больше зрителей, чем таскаясь с фермы на ферму.

— Верно. Но Кирину нужно золото.

Руско мрачно посмотрел на него, и Раген засмеялся.

— А вдруг прокатило бы... сам понимаешь! Сойдемся на серебре.

Руско кивнул:

— По луне за представление, с каждой луны одна звезда мне и три ему.

— Ты же говорил, у местных нет денег.

— У большинства нет, — подтвердил Руско. — Я продам им несколько лун... скажем, по пять кредитов.

— Руско Хряк снимет сливки с обеих сторон? — спросил Раген.

Хряк ухмыльнулся.

* * *

На обратном пути Арлену не сиделось на месте. Старый Хряк обещал пустить его на представление жонглера бесплатно. Надо только раззвонить, что завтра в полдень Кирин выступит на площади за пять кредитов или серебряную милнскую луну. Времени будет мало; родители тронутся в обратный путь, как только они с Рагеном вернутся, но Арлен успеет бросить клич, прежде чем его усадят в телегу.

— Расскажите о Свободных городах, — взмолился Арлен. — Сколько вы их повидали?

— Пять, — ответил Раген. — Милн, Энджирс, Лактон, Райзон и Красию. Возможно, за горами или пустыней есть другие, но я не знаю никого, кто бы там побывал.

— Какие они?

— Форт Энджирс, лесная твердыня, расположен к югу от Милна, за Рубежной рекой, — ответил Раген. — Энджирс поставляет дерево в другие города. Еще дальше на юге лежит огромное озеро, и на его поверхности стоит Лактон.

— Озеро — это вроде пруда?

— Озеро по сравнению с прудом — все равно что гора по сравнению с холмом. — Раген помолчал, чтобы Арлен переварил услышанное. — На воде лактонцам не грозят ни огненные, ни скальные, ни лесные демоны. От воздушных они рисуют охранную сеть. И лучше всех на свете умеют защищаться от водяных демонов. Лактонцы — потомственные рыбаки. В южных городах тысячи людей кормятся их уловом. К западу от Лактона расположен Форт Райзон. Собственно, на форт он не тянет — через стену можно перешагнуть. Но Райзон стоит на страже обширных фермерских земель. Без него Свободные города ждет голод.

— А Красия? — спросил Арлен.

— В Форте Красия я был всего раз, — ответил Раген. — Красийцы не любят чужаков. Путь до Красии занимает не одну неделю через пустыню.

— Пустыню?

— Песок, — пояснил тот. — Ничего, кроме песка, на много миль во все стороны. Ни еды, ни воды — только то, что захватил с собой, и негде укрыться от палящего солнца.

— И там живут люди? — удивился Арлен.

— Живут, — ответил Раген. — Красийцев было больше, чем милнцев, но они вымирают.

— Почему?

— Потому что сражаются с подземниками.

Глаза Арлена широко распахнулись.

— С подземниками можно сражаться?

— Арлен, воевать можно с кем угодно. Вот только, сражаясь с подземниками, чаще терпишь поражение, чем побеждаешь. Подземники убивают больше красийцев, чем красийцы — подземников. С каждым годом красийцев остается все меньше.

— Папа говорит, подземники пожирают души своих жертв, — прошептал Арлен.

— Ха! — Раген сплюнул на землю. — Деревенские предрассудки.

Недалеко от Лесного поселка дорога свернула. Арлен заметил, что впереди на дереве что-то висит.

— Что это? — показал он пальцем.

— Ночь! — выругался Раген и хлестнул мулов поводьями, пуская их во весь опор.

Арлена откинуло назад, и он не сразу сел прямо. А когда сел, посмотрел на стремительно приближавшееся дерево.

— Дядя Чоли! — завопил он при виде мужчины, который дергал ногами и цеплялся за веревку на шее. — На помощь! На помощь!

Арлен соскочил с телеги на полном ходу, больно ударился о землю, но тут же вскочил и бросился к Чоли. Он встал под дядей, но тот молотил ногами и ударил Арлена по губам. Мальчик упал, чувствуя вкус крови, но не замечая боли. Он снова вскочил, схватил дядю за ноги и попытался приподнять, чтобы ослабить натяжение, но Арлен был слишком мал, а Чоли — чересчур тяжел. Мужчина продолжал задыхаться и дергаться.

— Помогите! — крикнул Арлен Рагену. — Он задыхается! На помощь!

Он увидел, как Раген достает копьё из задка телеги. Вестник отпрянул и метнул его, почти не целясь. Копьё перерубило веревку, и несчастный Чоли свалился на Арлена. Оба рухнули в грязь.

Раген мгновенно подскочил к ним и снял петлю с шеи Чоли. Без толку — мужчина продолжал задыхаться и хвататься за горло. Казалось, его глаза вот-вот выскочат из орбит, лицо густо побагровело. Арлен завопил, когда дядя бешено забился и замер.

Раген бил Чоли по груди и дышал ему в рот, но ничего не помогало. В конце концов вестник сдался, сел на землю и выругался.

Арлен не впервые видел смерть. Страшный призрак часто навещал Тиббетс-Брук. Но одно дело — умереть от когтей подземников или от простуды. И совсем другое — вот так.

— Почему? — спросил мальчик Рагена. — Почему он так отчаянно боролся за жизнь прошлой ночью и убил себя сейчас?

— Разве он боролся? Разве кто-то из них боролся? Или они только убегали и прятались?

— Я не... — начал Арлен.

— Арлен, иногда недостаточно спрятаться. Внутри что-то рвется, и тебе только кажется, будто ты спасся от демонов.

— Он ничего не мог поделать! С демонами сражаться нельзя.

— Я лучше сражусь с медведем в его собственной пещере, — ответил Раген, — и все же это возможно.

— Но вы сказали, что красийцы вымирают, — возразил Арлен.

— Вымирают, — согласился Раген. — Но они следуют зову сердца. Я знаю, это кажется безумием, Арлен, но в глубине души мужчины мечтают сражаться, как бывало в старинных легендах. Хотят защищать своих женщин и детей, как подобает мужчинам. Но не могут, потому что великие метки утрачены. Мужчины сжимаются в комок, словно кролики в клетке, и трясутся от страха по ночам. Но иногда, особенно если на их глазах погибают любимые, напряжение становится невыносимым и ломает хребет.

Он положил руку на плечо Арлену.

— Мальчик, мне жаль, что ты это видел. Я знаю, пока ты ничего не понимаешь...

— Нет, — возразил Арлен, — понимаю.

И Арлен действительно понял. Осознал необходимость сражаться. Он не надеялся победить, когда напал на Коби и его дружков. Скорее ожидал, что его избьют до полусмерти. Но ему было все равно, когда он поднял палку. Он знал лишь, что не в силах больше терпеть, и собирался так или иначе положить конец насмешкам.

Приятно знать, что ты не одинок.

Арлен посмотрел на дядю, лежавшего на земле с широко распахнутыми от страха глазами. Он опустился на колени и кончиками пальцев прикрыл мертвецу веки. Чоли больше нечего бояться.

— Вы убили хотя бы одного подземника? — спросил он вестника.

— Нет, — покачал головой Раген. — Но мне доводилось с ними сражаться. Могу показать шрамы. Я не стремился убивать — только смыться или защитить товарищей.

Арлен поразмыслил над этим, когда они завернули Чоли в холстину, положили на задок телеги и поспешили в поселок. Джеф и Сильви уже погрузили вещи на телегу и с нетерпением ждали отъезда, но при виде мертвеца не стали бранить Арлена за опоздание.

Сильви завыла и бросилась на тело брата, но время поджимало, и нужно было вернуться на ферму до наступления ночи. Джефу пришлось удерживать жену, пока рачитель Харрал рисовал на холстине метку и читал молитву, предавая Чоли огню.

Часть выживших осталась в доме Брайна Лесоруба, прочих разобрали деревенские. Джеф и Сильви предложили кров двум женщинам. Норин Лесоруб было за пятьдесят. Ее муж умер несколько лет назад. Демоны убили ее дочь и внука. Мариа Тюк тоже была немолода — под сорок. Ее муж остался снаружи, когда тянули жребий, кому лезть в погреб. Обе женщины и Сильви скорчились в задке телеги Джефа, уткнувшись взглядами в колени. Арлен помахал на прощание Рагену, и отец щелкнул кнутом.

Лесной поселок почти скрылся из виду, когда Арлен вспомнил, что никому не рассказал о представлении жонглера.

Они едва успели убрать телегу и проверить метки, когда явились подземники. У Сильви не было сил готовить, и пришлось перекусить хлебом, сыром и колбасой. Все жевали без особой охоты. Демоны прибыли вскоре после заката, чтобы испытать метки на прочность, и каждый раз, когда магическая вспышка отбрасывала тварей, Норин кричала. Мариа так и не прикоснулась к еде. Она сидела на своем тюфяке, крепко обхватив колени руками, раскачивалась взад и вперед и хныкала при каждой вспышке магии. Сильвия убрала посуду, но осталась на кухне, и Арлен слышал, как она плакала.

Арлен хотел было пойти к матери, но Джеф поймал его за руку:

— Арлен, нам надо поговорить.

Они зашли в комнатку, где хранились тюфяк Арлена, коллекция гладких камешков из ручья, перышки и косточки. Джеф выбрал яркое перо дюймов десять длиной и принялся вертеть в руках, не глядя Арлену в глаза.

Знакомые признаки. Если отец не смотрит в глаза, предстоит неловкий разговор.

— То, что вы с вестником видели на дороге... — начал Джеф.

— Раген мне объяснил. Дядя Чоли уже умер, просто не сразу это понял. Некоторые люди могут пережить нападение, но потом все равно умирают.

Джеф нахмурился:

— Я бы сказал иначе. Но это похоже на правду. Чоли...

— Был трусом, — закончил Арлен.

Джеф удивленно посмотрел на него:

— Почему ты так думаешь?

— Он прятался в погребке, потому что боялся умереть, и убил себя, потому что боялся жить, — ответил Арлен. — Лучше бы он взял в руки топор и умер, сражаясь.

— Чтоб я больше этого не слышал, — рассердился Джеф. — Арлен, с демонами сражаться нельзя. Это бесполезно. Что толку, если тебя убьют?

Арлен покачал головой.

— Демоны — как драчуны, — сказал он. — Они нападают, потому что мы слишком напуганы, чтобы отбиваться. Я врезал Коби и его дружка палкой, и они ко мне больше не приставали.

— То Коби, а то скальные демоны, — возразил Джеф. — Их палкой не отпугнешь.

— Должен быть способ, — уперся Арлен. — Люди убивали демонов. Об этом говорится

во всех преданиях.

— В преданиях говорится, что с демонами сражались при помощи боевых меток, — ответил Джеф. — Но боевые метки утрачены.

— Раген сказал, что кое-где еще сражаются с демонами. Он считает, что это возможно.

— Надо мне потолковать с этим вестником, — пробурчал Джеф. — Нечего забивать тебе голову всякими глупостями.

— Почему? — удивился Арлен. — Может, прошлой ночью погибло бы меньше народу, если бы мужчины взялись за копыя и топоры...

— Погибло бы не меньше, а больше, — отрезал Джеф. — Арлен, есть другие способы защитить себя и свою семью. Мудрость. Осторожность. Смирение. Мужество не в том, чтобы рваться в бессмысленный бой. Кто позаботится о женщинах и детях, если все мужчины отправятся в Недра, пытаясь убить тех, кого убить нельзя? Кто будет валить лес и строить дома? Охотиться, пахать, резать скот? Зачинать детей? Если все мужчины умрут, подземники победят.

— Подземники уже побеждают, — пробормотал Арлен. — Ты сам говоришь, что город становится меньше год за годом. Драчуны приходят снова и снова, если не дать им отпор.

Он поднял взгляд на отца.

— Неужели ты этого не чувствуешь? Неужели не хочешь сражаться?

— Разумеется, хочу, Арлен, — ответил Джеф. — Но не просто так. Когда это действительно важно, все мужчины готовы воевать. Животные убегают, если могут спастись бегством, и сражаются, если загнать их в угол. Таковы и люди. Но сражаться нужно, лишь когда это необходимо. Если бы подземники напали на тебя или твою маму, то я клянусь, что защищал бы вас до последней капли крови. Понимаешь, в чем разница?

Арлен кивнул:

— Наверное, понимаю.

— Вот и молодец. — Джеф стиснул его плечо.

* * *

Арлену всю ночь снились холмы до небес и огромные пруды, на поверхности которых умещался целый город. Желтый песок простирался до самого горизонта, обнесенная стеной крепость проглядывала за деревьями.

Но все это заслоняли ноги, лениво покачивавшиеся перед глазами. Мальчик посмотрел вверх и увидел собственное лицо, багровевшее в петле.

Он проснулся как от толчка, тюфяк был влажным от пота. Еще не рассвело, но темно-синее небо рдело на горизонте. Арлен запалил огарок, натянул комбинезон и, спотыкаясь, вышел в общую комнату. Пожевал вчерашнюю корку и поставил у двери корзину для яиц и кувшины для молока.

— Ты рано, — произнес кто-то за спиной.

Мальчик вздрогнул, обернулся и увидел Норин. Мариа еще лежала на тюфяке, но металась во сне.

— Встанешь раньше — шагнешь дальше, — ответил Арлен.

Норин кивнула:

— Мой муж тоже так говорил. Тюкам и Лесорубам при свечах не поработать, не то что

Торгам.

— У меня куча дел. — Арлен посмотрел между ставен, скоро ли можно будет выйти за метки. — Жонглер выступает в полдень.

— Ясное дело, — согласилась Норин. — В твоём возрасте я тоже обожала жонглера. Я помогу тебе с работой.

— Не стоит, — возразил Арлен. — Папа говорит, вам надо отдыхать.

Норин покачала головой:

— От безделья в голову лезут непрошенные мысли. Надо отрабатывать свой хлеб. Я рубила дрова в поселке. Вряд ли кормить свиней и сажать кукурузу намного сложнее.

Арлен пожал плечами и протянул корзину для яиц.

С помощью Норин работа пошла быстрее. Женщина схватывала на лету, и ей было не привыкать к тяжелому труду. Когда из дома запахло яичницей с беконом, животные были накормлены, яйца собраны, коровы подоены.

— Хватит ерзать, — велела Сильви Арлену за завтраком.

— Юному Арлену не терпится увидеть жонглера, — пояснила Норин.

— Может, завтра, — сказал Джеф, и Арлен скис.

— Как же так! — воскликнул Арлен. — Но...

— Никаких «но», — отрезал Джеф. — В поселке еще много работы, и я обещал Селии помочь после полудня.

Арлен отодвинул тарелку и потопал в свою комнату.

— Отпустите мальчика, — сказала Норин, когда он ушел. — Мы с Мариа поможем.

Мариа подняла взгляд, услышав свое имя, но продолжила ковыряться в тарелке.

— Арлену вчера пришлось потрудиться. — Сильви закусила губу. — Нам всем пришлось. Пусть жонглер его немного развеселит. Неотложной работы вроде бы нет.

Джеф помедлил и кивнул.

— Арлен! — крикнул он.

Мальчик с надутым видом выглянул из комнаты.

— Сколько старый Хряк берет за выступление жонглера?

— С меня — нисколько, — выпалил Арлен, чтобы у отца не нашлось повода отказать. — Я вчера помогал носить товары из телеги вестника.

Это было не совсем правдой, и старый Хряк вполне мог разозлиться на то, что Арлен забыл рассказать о представлении. Но он еще успеет разнести весть по пути и привлечь достаточно зрителей, чтобы Руско пустил его за два кредита.

— Старый Хряк обычно добрее после приезда вестника, — заметила Норин.

— Еще бы, ведь он грабил нас всю зиму, — фыркнула Сильви.

— Ладно, Арлен, можешь идти, — разрешил Джеф. — Жду в поселке.

* * *

Дорога до Торга занимала почти два часа. Тележная колея, которую Джеф и другие местные жители регулярно расчищали, делала изрядный крюк к мосту в самом мелком месте ручья. Ловкий и шустрый Арлен мог сократить путь вдвое по скользким камням, торчащим из воды.

Сегодня он особенно старался выиграть время, чтобы заскочить за зрителями по пути.

Он опрометью промчался по илистому берегу, уверенно огибая коварные корни и кустарник, поскольку ходил этой тропой сотни раз.

Арлен выбегал из леса на фермы, но никого не находил. Все либо гнули спину в полях, либо помогали в поселке.

Незадолго до полудня он добрался до Рыбного Места. На маленьком пруду виднелось несколько лодок, но что толку кричать? Больше в Рыбном Месте никого не было.

Мальчик пал духом. Вчера Хряк казался добродушным, но Арлен видел, каким он становится, если упускает прибыль. Он ни за что не разрешит посмотреть на жонглера всего за два кредита. Хорошо, если не отстегает пругом.

К изумлению Арлена, на площади собралось больше трех сотен людей со всего Брука. Рыбаки и Зыбуны, Хмели и Тюки. Не говоря уже о местных — Торгах, Швецах, Мельниках, Пекарях. Из Южного Дозора, разумеется, не было никого. Тамошний народ недолюбливает жонглеров.

— Арлен, мой мальчик! — Хряк распахнул объятия. — Я приберег тебе место в первом ряду и отправлю домой с мешком соли! Отличная работа!

Арлен удивленно таращился на него, пока не заметил рядом Рагена. Вестник подмигнул пареньку.

— Спасибо, — поблагодарил Арлен, когда Хряк отошел, чтобы отметить очередного зрителя в своей книге. Дэзи и Кэтрин торговали едой и элем.

— Людям нужно развеяться, — пожал плечами Раген. — Но ваш рачитель, похоже, считает иначе.

Он указал на Кирина, спорившего с рачителем Харралом.

— И не вздумай нести чушь о Напасти моей пастве! — Харрал ткнул Кирина в грудь. Он был вдвое тяжелее жонглера, и притом ни капли жира, литые мышцы.

— Чушь? — побледнел Кирин. — В Милне рачители вздернут жонглера, который не упомянет о Напасти!

— Плевать мне, что принято в Свободных городах, — ответил Харрал. — Это добрые люди. Им и так тяжело. Незачем твердить, будто они страдают, потому что недостаточно благочестивы!

— Что?.. — начал Арлен, но Кирин замолчал и направился в центр площади.

— Садись скорее, — посоветовал Раген.

* * *

Хряк исполнил свое обещание — Арлену досталось место в переднем ряду, где обычно сидели только маленькие дети. На него посматривали с завистью, и мальчику это нравилось. Ему редко завидовали.

Жонглер был высоким, как и положено милнцу. На нем был наряд из ярких лоскутков, — похоже, их стащили из мусорного ведра красильщика! Жидкую козлиную бородку морковного цвета и куцые усы хотелось как следует поскрести, — может, сотрут? Все с удивлением судачили о его ярких волосах и зеленых глазах, особенно женщины.

Люди продолжали прибывать. Кирин расхаживал взад и вперед, жонглировал разноцветными деревянными шариками и шутил, разогревая толпу. По знаку Хряка жонглер взял лютню и запел сильным высоким голосом. Слушатели хлопали незнакомым песням и

всей толпой подпевали известным, заглушая жонглера. Ну и что? Арлен не переживал и подтягивал не хуже других.

За музыкой последовали акробатические трюки и фокусы. Попутно Кирин высмеивал и мужей — женщины визжали от смеха, мужчины хмурились; и жен — мужчины хлопали себя по бедрам, женщины сердито сверкали глазами.

Наконец жонглер остановился и поднял руки, призывая к тишине. По толпе пробежал шепоток, и родители выпихнули самых маленьких детей вперед, чтобы лучше слышали. Малышка Джесси Хмель, которой было всего пять, забралась к Арлену на колени. Несколько недель назад он подарил ее семье пару щенков суки Джефа, и девочка льнула к нему при каждой встрече. Арлен держал Джесси на коленях и слушал историю Возвращения. Высокий голос Кирина стал низким и гулким, разносясь по всей площади.

— Мир не всегда был таким, как сейчас, — сообщил жонглер детям. — Совсем не таким. Когда-то человечество жило в равновесии с демонами. Те далекие времена зовутся Эпохой невежества. Кто-нибудь знает почему?

Он оглядел детей в первых рядах. Взметнулось несколько рук.

— Потому что тогда не было меток? — спросила девочка, на которую указал Кирин.

— Верно! — Жонглер сделал сальто, и дети радостно завопили. — Эпоха невежества была страшным временем, но демонов было мало, и всех они убить не могли. Как и сейчас, люди строили дома днем, а демоны сносили их каждую ночь. Мы боролись за жизнь и со временем научились избегать демонов и прятать от них еду и животных.

Он огляделся в притворном ужасе, забежал за спину ребенку и съежился.

— Мы рыли норы в земле, чтобы нас не нашли.

— Как кролики? — засмеялась Джесси.

— Именно! — Кирин прижал два пальца к голове и запрыгал, морща нос. — Мы выживали как могли, пока не научились писать. И скоро обнаружили, что некоторые письмена способны оградить от подземников. Как они называются?

Он приставил ладонь к уху.

— Метки! — закричали все хором.

— Правильно! — В награду жонглер перекувырнулся через голову. — Метки могли защитить от подземников, и мы рисовали их лучше и лучше. Открывали все новые метки, пока не нашли такую, которая не просто сдерживала демонов. Она причиняла им вред!

Дети ахнули, и Арлен тоже затаил дыхание, хотя слышал этот рассказ каждый год. Он бы отдал все на свете за такую метку!

— Демонам это изобретение пришлось не по нутру, — усмехнулся Кирин. — Они привыкли, что мы убегаем и прячемся, и, когда мы дали отпор, ответили ударом на удар. Жестоким ударом. Так началась Первая война с демонами и вторая эпоха — Эпоха Избавителя. Создатель призвал Избавителя, чтобы возглавить наши армии, и с ним мы побеждали!

Он выбросил кулак в воздух, и дети радостно завопили. Это было заразительно, и Арлен весело пощекотал Джесси.

— Мы учились магии и тактике, дольше жили, плодились. Наши армии становились все больше, а демонов оставалось все меньше. Мы надеялись навсегда уничтожить подземников.

Жонглер замолчал и посерьезнел.

— А потом демоны внезапно пропали. С незапамятных пор они являлись каждую ночь. Но ночь за ночью проходила без демонов, и мы растерялись. — Он поскреб затылок в

притворном замешательстве. — Многие верили, что демоны потеряли слишком много собратьев, сдались и в ужасе укрылись в Недрах.

Он попятился, зашипел, словно кошка, и задрожал от страха. Несколько детей подхватили игру и грозно на него зарычали.

— Избавитель видел, как демоны бесстрашно сражаются каждую ночь, — продолжил Кирин, — и не верил, что они отступили, но шли месяцы мирной жизни, и его армии начали таять.

Кирин взял лютню и сплясал под веселую мелодию.

— Человечество много лет наслаждалось плодами победы над подземниками. Но за годы без общего врага братские узы между людьми ослабели и порвались. Мы впервые выступили друг против друга, — зловеще произнес жонглер. — Войны вспыхивали повсюду, и враждующие стороны призывали Избавителя возглавить их, но он отвечал: «Я не стану сражаться с людьми, пока в Недрах жив хоть один подземник!» Избавитель повернулся спиной и покинул земли, повергнутые в хаос марширующими армиями.

Мелодия стала жизнеутверждающей.

— Те великие войны породили могущественные нации, и люди заселили весь мир. Эпоха Избавителя закончилась, и началась Эпоха науки. То было время нашего расцвета, но в нем крылась самая большая ошибка. Кто-нибудь знает какая?

Дети постарше знали, но Кирин знаком попросил их помолчать и дать ответить малышам.

— Мы забыли магию, — ответил Джим Лесоруб и вытер нос тыльной стороной ладони.

— Вот именно! — Кирин щелкнул пальцами. — Мы многое узнали о том, как устроен мир, о лекарствах и машинах, но забыли магию и, самое непростительное, забыли подземников. Через три тысячи лет никто больше не верил, что они когда-то существовали. Вот почему мы не были готовы, когда они вернулись.

Кирин помрачнел.

— За века забвения демоны умножились в числе. Триста лет назад неисчислимые полчища демонов поднялись из Недр, чтобы взять реванш. Целые города были разрушены той ночью, когда подземники праздновали свое возвращение. Мужчины пытались сражаться, но даже самое мощное оружие Эпохи науки — плохая защита от демонов. Эпоха науки сменилась Эпохой разрушения. Началась Вторая война с демонами.

Арлен мысленно видел ту ночь — как горят города, как люди в ужасе бегут прямо в лапы поджидающих демонов. Видел, как мужчины жертвуют собой, чтобы их семьи успели скрыться, как женщины заслоняют детей от когтей подземников. Но ярче всего он видел, как демоны пляшут, скачут в неистовом ликовании и кровь струится с их клыков и когтей.

Дети в ужасе отшатнулись. Кирин шагнул к ним.

— Война затянулась на годы, люди терпели поражение за поражением. Без Избавителя они не могли выстоять против подземников. Великие народы погибали за одну ночь, и все знания Эпохи науки сгорели в пляске огненных демонов. Ученые отчаянно искали ответы на развалинах библиотек. От науки проку не было, но спасение наконец нашлось в историях, которые считали выдумками и суевериями. Люди стали чертить на земле неуклюжие символы, чтобы защититься от подземников. В древних метках сохранилась сила, но дрожащие руки часто совершали ошибки, которые обходились слишком дорого. Уцелевшие собирали вокруг себя людей и защищали долгими ночами. Эти люди стали первыми метчиками, которые хранят нас и поныне. — Жонглер сурово посмотрел на толпу. — В

следующий раз при встрече с метчиком поблагодарите его, ибо ему вы обязаны жизнью.

Этот вариант истории Арлен раньше не слышал. Метчики? В Тиббетс-Бруке все учатся рисовать метки с малолетства — прутиком на земле. Талант дан не каждому, но как можно не знать основной защиты от огненных, скальных, болотных, водяных, воздушных и лесных демонов?

— Теперь мы в безопасности, и пусть демоны творят что хотят за пределами круга. Отважные вестники, — Кирин указал на Рагена, — путешествуют от города к городу, разносят новости, сопровождают людей и товары.

Он прошелся и сурово посмотрел на перепуганных детей.

— Но мы сильны. Разве нет?

Дети кивнули, но в их глазах по-прежнему плескался страх.

— Что-что? — Кирин приложил ладонь к уху.

— Да! — завопила толпа.

— Когда Избавитель придет снова, мы будем готовы? Научим демонов вновь нас бояться?

— Да! — проревела толпа.

— Они вас не слышат! — крикнул жонглер.

— Да! — орали люди, вскидывая кулаки, и Арлен громче всех.

Джесси подражала ему, молотила воздух и визжала почище демона. Жонглер поклонился, дождался, пока толпа успокоится, поднял лютню и сыграл очередную песню.

* * *

Хряк не обманул — Арлен ушел из Торга с мешком соли. Хватит на много недель, даже с учетом Норин и Мариа. Соль не была смолота, но Арлен знал, что родители охотно смеют ее сами, чтобы не платить Хряку. Многие предпочли бы молоть соль самостоятельно, но старый Хряк не оставлял выбора — молот соль сразу после прибытия вестника и требовал доплаты.

Арлен пружинисто шагал по дороге к поселку. У дерева, на котором повесился Чоли, хорошее настроение мальчика улетучилось. Он вспомнил слова Рагена о борьбе с подземниками и мнение отца об осторожности.

Наверное, отец прав: прячься, если можешь, и сражайся, если должен. Даже Раген, похоже, согласен с этой философией. Но Арлен не мог отделаться от мысли, что малодушие тоже причиняет вред, хоть и незримый.

Он встретился с отцом в поселке и показал трофей. Отец хлопнул Арлена по спине. Остаток дня мальчик бегал взад и вперед, помогая возрождать поселок. Еще один дом починили и к ночи разрисуют метками. Поселок отстроят заново за несколько недель, и это в общих интересах, потому что без дерева зимой придется туго.

— Я обещал Селии помогать еще несколько дней, — сказал Джеф вечером, когда они нагружали телегу. — Ты остаешься на ферме за главного. Проверь столбы с метками и пропальвай поля. Кажется, ты утром познакомил Норин со своими обязанностями? Пусть трудится во дворе, а Мариа поможет матери по дому.

— Хорошо, — ответил Арлен. Полоть поля и проверять столбы — нелегкий труд, но мальчик гордился оказанным ему доверием.

— Арлен, я на тебя рассчитываю, — предупредил Джеф.

— Я не подведу, — пообещал Арлен.

* * *

Несколько дней ничего не происходило. Сильви временами плакала, но работы хватало, и мать ни разу не пожаловалась, что приходится кормить лишние рты. Норин заботилась о животных, как будто занималась этим всю жизнь, и даже Мариа временами выглядывала из раковины, помогала подметать и готовить, ткала после ужина. Вскоре они с Норин начали работать во дворе по очереди. Обе женщины старались отрабатывать свой хлеб, хотя тоже печалились, когда не были заняты делом.

На руках Арлена вздулись пузыри от прополки, спина и плечи ныли в конце дня, но мальчик не жаловался. Единственная новая обязанность, которая пришлась ему по вкусу, — следить за охранными столбами. Арлен всегда любил рисовать метки. Он выучил основные защитные символы еще до того, как остальные дети приступили к учебе, а вскоре освоил и более сложные охранные сети. Джеф больше не проверял его работу. Рука Арлена была тверже, чем у отца. Рисовать метки — не то же самое, что бросаться на демона с копьем, но это лучше, чем ничего.

Джеф возвращался в сумерках, и Сильви оставляла ему воду из колодца, чтобы умыться. Арлен помогал Норин и Мариа запирали животных, а потом они ужинали.

Вечером пятого дня поднялся ветер, во дворе закружились пыльные вихри, хлопнула дверь хлева. Арлен чувал приближение дождя, и потемневшее небо говорило о том же. Мальчик надеялся, что отец тоже увидел приметы и вернется пораньше или заночует в поселке. Темные тучи означают ранние сумерки, а в ранних сумерках демоны порой встают до заката.

Арлен бросил работу в поле, чтобы помочь женщинам загнать перепуганных животных в хлев. Сильви тоже вышла во двор, задраила люк в погреб, проверила, не расшатались ли охранные столбы дневного загона. Когда показалась телега Джефа, времени почти не оставалось. Темнота надвигалась, и солнца уже не было видно. Подземники могли подняться в любой момент.

— Нет времени распрягать! — Джеф щелкнул кнутом, направляя Мисси к амбару. — Утром разберемся. Все в дом!

Женщины покорно укрылись за дверью.

— Успеем, если поспешим! — Арлен бросился к отцу, перекрикивая ветер. Мисси будет дуться несколько дней, если не распрячь ее на ночь.

Джеф покачал головой:

— Уже слишком темно! Ничего с ней не станется.

— Тогда запри меня в хлеву, — предложил Арлен. — Распрягу Мисси и пережду грозу с животными.

— Арлен, делай, что говорят! — Джеф соскочил с телеги, схватил сына за руку и вытащил из хлева.

Они вместе закрыли двери и опустили засов. Молния расколола небо. Метки на дверях хлева на мгновение вспыхнули, словно напоминая о предстоящем. В воздухе запахло дождем.

Отец и сын побежали к дому, опасливо высматривая дымку — предвестник появления

демонов. Пока что дорога была свободна. Мария держала дверь. Джеф с Арленом нырнули в дом, и первые тяжелые капли дождя взметнули пыль во дворе.

Мария закрывала дверь, когда во дворе раздался вой. Все замерли.

— Это пес! — Мария прижала ладонь ко рту. — Я привязала его к забору!

— Ночь с ним, — отрезал Джеф. — Закрой дверь.

— Что? — Арлен неверяще развернулся к отцу.

— Дорога еще свободна! — Мария выскочила из дома.

— Мария, нет! — Сильви бросилась за ней.

Арлен тоже метнулся к двери, но Джеф схватил его за лямки комбинезона и дернул.

— Сиди в доме! — Он направился к двери.

Арлен на мгновение отступил, но тут же снова бросился вперед. Джеф и Норин стояли на крыльце под защитой внешнего круга. Когда Арлен оказался на крыльце, пес промчался мимо него в дом. На шее собаки болталась веревка.

Во дворе стонал ветер, капли дождя жалили, словно осы. Арлен увидел, как Мария и Сильви бегут к дому среди струек тумана. Как обычно, первыми пробудились огненные демоны, самые маленькие из подземников — не больше восемнадцати дюймов в холке. Они стояли на четвереньках, постепенно обретая плоть. Глаза, ноздри и пасти огненных демонов светились, как угольки.

— Сильви, беги! — завопил Джеф. — Беги!

Казалось, женщины успеют, но Мария споткнулась и упала. Сильви обернулась, чтобы помочь ей, и в этот миг сгустился первый подземник. Арлен рванулся на помощь, но Норин цепко ухватила его за плечо.

— Не глупи, — прошипела женщина.

— Вставай! — Сильви дергала Мария за руку.

— Нога! — рыдала Мария. — Я не могу! Оставь меня!

— Ни за что! — отрезала Сильви. — Джеф! Помоги нам!

Подземники вставали по всему двору. Они заметили женщин и бросились к ним с радостным визгом. Джеф не шевелился.

— Пусти! — рявкнул Арлен и с силой наступил Норин на ногу.

Женщина завопила, и Арлен выдернул руку. Он схватил первое, что подвернулось, — деревянное ведро для молока — и выбежал во двор.

— Арлен, нет! — крикнул Джеф, но Арлен больше не желал его слушать.

Огненный демон размером не больше крупного кота запрыгнул Сильви на спину. Его когти разодрали ей плоть, превратив платье в кровавые лохмотья. Со своего насеста подземник плюнул огнем в лицо Мария. Женщина завизжала — ее кожа обуглилась, волосы загорелись.

Арлен подбежал через мгновение и размахнулся ведром со всей силы. От удара оно разлетелось на мелкие щепки, но мальчику удалось сбить демона со спины матери. Сильви пошатнулась, но Арлен ее поддержал. Огненные демоны наступали, воздушные расправляли крылья, в дюжине ярдов постепенно сгущался скальный демон.

Сильви застонала, но встала. Арлен оттащил ее от Мария, которая выла от нестерпимой муки. Дорогу домой преграждали огненные демоны. Скальный демон тоже заметил добычу и ринулся в атаку. На пути гиганта оказалось несколько воздушных демонов, собиравшихся взлететь, и он смахнул их в сторону когтистой лапой — так коса срезает колосья. Огненные демоны немедленно принялись рвать на части изуродованные тела воздушных.

Арлен воспользовался мгновенным замешательством и потащил мать от дома. В хлев тоже было не прорваться, но дорога к дневному загону еще оставалась свободна. Надо только опередить подземников. Сильви кричала не то от страха, не то от боли, но благодаря широкой юбке поспевала за сыном.

Когда Арлен пустился бежать, огненные демоны, наполовину окружившие добычу, бросились следом. Хлестал дождь, стонал ветер. Молния рассекла небо, на мгновение озарив преследователей и дневной загон, такой близкий, но все еще слишком далекий.

Двор был скользким от воды, но страх наделил мать и сына проворством, и они неслись со всех ног. Земля содрогалась под скальным демоном, каждый его шаг отзывался раскатом грома.

Арлен, скользя, остановился у загона и дернул задвижку. В этот миг огненные демоны настигли беглецов и выстроились в ряд, чтобы использовать свое самое страшное оружие. Они плюнули огнем и поразили обе цели. Расстояние ослабило залп, но одежда на мальчике занялась, запахло паленым. Арлена пронзил приступ боли, но он не обратил на это внимания, сумев-таки отворить дверь. Он попытался завести мать в загон, но еще один огненный демон прыгнул на нее и вонзил когти в грудь. Арлен рывком втащил мать в загон. Сильви с легкостью пересекла охранный круг, а подземника отбросила магическая вспышка. Его когти выскользнули, во все стороны брызнула кровь и ошметки плоти.

Одежда беглецов еще горела. Арлен обнял Сильви и бросился на землю, приняв удар на себя. Они катались по грязи, сбивая пламя.

Закрывать калитку было невозможно. Демоны окружили загон и колотились об охранную сеть, вспышки магии разбегались по паутине меток. Но калитка — ерунда. Как и забор. Пока стоят меченые столбы, подземники не страшны.

В отличие от погоды. Ледяной дождь хлестал стеной. Сильви не могла подняться. Она вся была покрыта кровью и грязью. Сможет ли она справиться и с ранами, и с дождем?

Арлен, спотыкаясь, подошел к помойному корыту и перевернул его. Недоеденному свиньями обеду придется гнить в грязи. Арлен видел, как скальный демон ломится в охранную сеть, но магия устояла. Сквозь вспышки молний и струи огня мальчик разглядел Мариа. Огненные демоны кишели на ней, отрывали куски мяса и вприпрыжку отбегали полакомиться.

Через мгновение скальный демон сдался, потопал к Мариа и схватил ее за ногу, как живодер хватает кота. Гигант поднял женщину в воздух, и огненные демоны бросились врассыпную. Мариа захрипела, и Арлен в ужасе понял, что она еще жива. Мальчик завопил, порываясь броситься на помощь, но демон с омерзительным хрустом обрушил тело женщины на землю.

Арлен отвернулся до того, как тварь приступила к трапезе. Проливной дождь смывал слезы. Мальчик подтащил корыто к Сильви, оторвал подкладку от ее юбки и намочил под струями. Аккуратно стер грязь с ран и перевязал еще одним лоскутом — едва ли чистым, но хотя бы чище свиного навоза.

Мать дрожала. Арлен прижался к ней и накрылся корытом, чтобы защититься от дождя и вида торжествующих демонов.

Молния сверкнула аккуратно перед тем, как он опустил корыто. Отец так и стоял на крыльце.

«Если бы подземники напали на тебя... или твою маму», — припомнил Арлен. Но похоже, ничто не вынудит Джефа Тюка драться, несмотря на все его обещания.

Ночь казалась бесконечной; о сне не могло быть и речи. Капли дождя размеренно стучали по корыту, и на Арлена и Сильви сыпались остатки помоев. Холодная грязь, в которой они лежали, воняла навозом. Сильви дрожала в бреду, и Арлен сжимал ее в объятиях, чтобы поделиться остатками тепла. Его руки и ноги онемели.

Арлена охватило отчаяние, и он заплакал матери в плечо. Она застонала и похлопала его по руке, и этот простой инстинктивный жест избавил мальчика от страха, разочарования и боли.

Он сразился с демоном и выжил. Он стоял среди подземных полчищ и уцелел. Пусть подземники бессмертны — их можно перехитрить. Можно обогнать.

И скальный демон показал, что им можно причинить вред, когда смел с дороги другого подземника.

Но какая разница, если такие, как Джеф, не станут сражаться с подземниками, даже чтобы защитить свои семьи? На что надеяться?

Арлен долго смотрел в темноту. Перед его мысленным взором стояло лицо отца, наблюдавшего за ними из охранного круга.

Дождь стих перед рассветом. Арлен воспользовался передышкой, чтобы приподнять корыто, но сразу пожалел об этом — нагретый за ночь воздух улетучился. Он снова опустил корыто, но время от времени выглядывал наружу, пока не начало светать.

Большинство подземников растаяло к рассвету, но кое-кто задержался, хотя темно-синее небо уже стало лиловым. Арлен поднял корыто и кое-как встал, тщетно пытаясь стряхнуть налипшую грязь и навоз.

Мальчик попробовал согнуть онемевшую руку, и ее пронзила боль. Огненный плевок оставил алый след. Хорошо, что Арлен с матерью провели ночь в холодной грязи, иначе ожоги болели бы намного сильнее.

Последние огненные демоны во дворе начали таять. Арлен вышел из загона и направился в хлев.

— Арлен, нет!

Мальчик поднял взгляд и увидел на крыльце Джефа. Отец следил за ним из безопасного места, завернувшись в одеяло.

— Еще не рассвело! Подожди!

Арлен пропустил его слова мимо ушей и распахнул дверь хлева. Мисси дулась, проведя ночь в упряжке, но до Торга как-нибудь доберется.

Мальчик вывел лошадь, и отец схватил его за руку.

— Жить надоело? — спросил Джеф. — Я научу тебя слушаться!

Арлен сбросил его руку и отвел глаза:

— Маме нужна Колин Тригг.

— Она жива? — недоверчиво спросил Джеф и резко повернулся к женщине, лежавшей в грязи.

— Не твоими стараниями, — отрезал Арлен. — Я отвезу ее в Торг.

— Мы отвезем, — поправил Джеф, бросился к жене и уложил ее на телегу. Они оставили Норин ухаживать за животными и искать останки несчастной Мариа и покатали в город.

Сильви обливалась потом. Ее ожоги были не страшнее, чем у Арлена, но когти огненных демонов прочертили глубокие борозды, из которых до сих пор сочилась кровь, а плоть уродливо распухла и покраснела.

— Арлен, я... — Джеф протянул к сыну дрожащую руку.

Мальчик отпрянул и отвернулся. Джеф вздрогнул, словно обжегся.

Арлен знал, что отцу стыдно. Раген прав. Возможно, Джеф даже ненавидит себя, как ненавидел Чоли. Но в сердце Арлена не было жалости. Его мать жестоко поплатилась за трусость Джефа.

Остаток пути они проделали молча.

Двухэтажный дом Колин Тригг был одним из самых больших в Бруке. На втором этаже жила семья Колин, на первом стояли больничные койки, которые редко пустовали.

Колин была невысокой, с большим носом и скошенным подбородком. Ей не исполнилось и тридцати, но она раздалась в талии, поскольку выносила шестерых детей. От ее одежды всегда пахло жжеными травами. Больных она потчевала отвратительным на вкус чаем — местные посмеивались над ним, но охотно пили при простуде.

Травница только взглянула на Сильви и велела нести ее в дом. Вопросов она не задавала — тем лучше, так как ни Арлен, ни Джеф не знали, что отвечать. Колин вскрыла первую рану, выпустив омерзительный бурый гной. Запахло гнилью. Знахарка промыла рану водой, посыпала молотыми травами и зашила. Внезапно Джеф позеленел и зажал рот ладонью.

— Только не здесь! — Колин указала Джефу на дверь.

Он выбежал из комнаты, и травница взглянула на Арлена:

— Ты тоже?

Мальчик покачал головой.

— Ты отважнее отца, — одобрительно кивнула Колин. — Принеси ступку и пестик. Я научу тебя готовить мазь от ожогов.

Колин наскоро приготовила мазь, показывая Арлену нужные горшочки и мешочки и объясняя, как смешивать ингредиенты. Арлен занялся ожогами матери, а травница вернулась к своей неприятной работе.

Закончив обрабатывать раны Сильви, Колин осмотрела Арлена. Мальчик поначалу протестовал, но мазь подействовала, по рукам разлилась прохлада, и он понял, как сильно горели ожоги.

— Она поправится? — спросил Арлен, глядя на мать. Дышала она ровно, но кожа вокруг ран была скверного цвета, и запах гнили не исчез.

— Не знаю. — Колин не привыкла лукавить. — Я никогда не видела таких жутких ран. Обычно, если подземники подбираются настолько близко...

— ...тебе конец, — закончил Джеф с порога. — Они добились бы Сильви, если бы не Арлен.

Джеф опустил глаза и вошел в комнату.

— Арлен преподавал мне ночью урок. Я понял, что наш главный враг — страх, а не подземники.

Джеф положил руки на плечи сына и заглянул ему в глаза.

— Я тебя больше не подведу, — пообещал он.

Арлен кивнул и отвернулся. Ему хотелось верить, но он никак не мог забыть, как отец стоял на крыльце, скованный страхом.

Джеф подошел к жене и стиснул ее влажную руку. Сильви потела и время от времени металась в забытьи.

— Она умрет? — спросил Джеф.

Травница шумно выдохнула:

— Я неплохо вправляю кости и принимаю роды. Могу сбить жар и отвадить простуду. И даже промыть рану, нанесенную демоном, если она еще свежая. — Женщина покачала головой. — Это подземная лихорадка. Травы приглушили боль и помогли Сильви уснуть, но ей нужна знахарка получше меня.

— Но где ее взять? — спросил Джеф. — В Бруке нет других травниц.

— Моя наставница, — сказала Колин. — Старая Мей Фриман. Она живет на окраине Солнечного Выгона, в двух днях отсюда. Если уж Мей не сможет исцелить твою жену, то и никто не сумеет, но лучше поспеши. Лихорадка распространяется быстро, и если промедлить, то даже старая Мей не поможет.

— Как ее найти?

— Заблудиться не получится, — ответила Колин. — Дорога всего одна. Только не сверните на лесном распутье, если не хотите добираться до Милна несколько недель. Вестник отправился в Выгон пару часов назад, но по пути остановится в Бруке. Вы еще можете его догнать, если поспешите. Вестники возят с собой походные круги. Если отыщете вестника, вам не придется искать убежища на ночь и можно будет ехать до самой темноты. С ним вы обернетесь вдвое быстрее.

— Мы отыщем его во что бы то ни стало, — решительно молвил Джеф, и в сердце Арлена поселилась надежда.

* * *

Странная тоска сжимала сердце Арлена, когда он наблюдал с задка телеги, как таял вдали Тиббетс-Брук. Впервые в жизни он окажется больше чем в дне пути от дома. Он увидит другой город! Неделю назад подобное приключение было пределом грез. Но теперь он мечтал лишь о том, чтобы все стало как прежде.

Как прежде, когда ферме ничего не угрожало.

Как прежде, когда мать была здорова.

Как прежде, когда Арлен не знал, что его отец — трус.

Колин пообещала отправить одного из сыновей на ферму сообщить, что они уехали на неделю, а то и больше. Парень поможет Норин ухаживать за животными и проверять метки. Соседи пособят по хозяйству, но боль от утраты была еще слишком свежа, чтобы Норин проводила ночи одна.

Травница также дала им приблизительную карту, аккуратно свернутую и спрятанную в кожаный чехол. Бумага была редкостью в Бруке, и расставались с ней весьма неохотно. Арлен пришел от карты в восторг и изучал ее часами, хотя многочисленных надписей прочесть не мог. Ни мальчик, ни его отец не знали грамоты.

На карте был обозначен путь до Солнечного Выгона и фермы, где можно попросить

убежища, но расстояния представлялись туманно.

Мать Арлена спала беспокойно и купалась в поту. Время от времени она говорила или кричала бессмыслицу. Арлен обтирал ее влажной тряпочкой и поил едким чаем, как наказала травница, но ничего не помогало.

Наконец они добрались до дома Харла Таннера — фермера, жившего на окраине Брука. От Лесного поселка до фермы Харла было всего несколько часов езды, но солнце уже клонилось к вечеру.

Арлен виделся с Харлом и тремя его дочерьми на празднике летнего солнцестояния каждый год, пока два лета назад подземники не убили жену Таннера. Харл стал затворником, и его дочери тоже. Даже трагедия в поселке не выманила их за порог.

Три четверти полей Таннера были черными и выжженными, и только ближние к дому — засеянными под защитой меток. Костлявая молочная корова жевала жвачку на грязном дворе, возле курятника была привязана коза с торчащими ребрами.

Одноэтажный дом Таннеров был построен из камней, скрепленных глиной и грязью. На крупных камнях были намалеваны выцветшие метки — довольно грубые, на вкус Арлена. И все же они еще ни разу не подвели. Крыша была неровной, короткие и толстые охранные столбы торчали сквозь гнилую солому. С одной стороны к дому примыкал небольшой хлев с заколоченными окнами и покосившейся дверью. Через двор стоял второй, побольше, который выглядел еще хуже. Метки, может, и держатся, но остальное вот-вот рухнет.

— Впервые вижу дом Харла, — заметил Джеф.

— Я тоже, — солгал Арлен.

Немногие, кроме вестников, заходили дальше Лесного поселка, и в Торге любили посудачить об обитателях окраин. Арлен не раз украдкой бегал посмотреть на ферму Полоумного Таннера. Это было самым дальним его путешествием. Ему приходилось часами бежать во весь опор, чтобы вернуться до заката.

Несколько месяцев назад Арлен едва не опоздал. Он подглядывал за старшей дочерью Харла, Илэйн. Мальчишки уверяли, что у нее самые большие сиськи в Бруке, и Арлен хотел лично в этом убедиться. Его терпение было вознаграждено — Илэйн выбежала из дома в слезах. Она была печальна и прекрасна, и Арлену захотелось ее утешить, хотя она была на восемь лет старше. Разумеется, он не отважился, но наблюдал за ней дольше, чем следовало, и едва не поплатился за свое любопытство на закате.

Когда они подъехали к ферме, залаял шелудивый пес, и на крыльцо вышла девушка с печальными глазами.

— Надо бы попроситься на ночлег, — заметил Джеф.

— До темноты еще несколько часов, — покачал головой Арлен. — Даже если мы не догоним Рагена, на карте есть еще одна ферма у поворота на Свободные города.

Джеф посмотрел на карту через плечо Арлена:

— Еще далеко.

— Мама не может ждать, — возразил Арлен. — Весь путь мы сегодня не одолеем, но каждый час приближает ее к исцелению.

Джеф посмотрел на потную Сильви, на солнце и кивнул. Они помахали девушке на крыльце, но не остановились.

За следующие несколько часов они покрыли немалое расстояние, но не нашли ни вестника, ни другой фермы. Джеф взглянул на оранжевое небо.

— Осталось меньше двух часов до темноты. Пора поворачивать. Мы еще успеем

вернуться к Харлу, если поспешим.

— Ферма может быть за следующим поворотом, — заспорил Арлен. — Мы найдем ее.

— Откуда тебе знать? — Джеф сплюнул за борттик телеги. — Карта бестолковая. Надо поворачивать, пока не поздно, и нечего спорить.

Глаза Арлена неверяще распахнулись.

— Мы потеряем полдня, не говоря уже о ночи! Мама может умереть за это время!

Джеф снова посмотрел на жену, которая потела в коконе из одеял и судорожно втягивала воздух. С грустью оглядел удлинившиеся тени и едва сдержал дрожь.

— Если нас застигнут после заката, — тихо ответил он, — мы все умрем.

Арлен замотал головой, не дожидаясь, пока отец договорит.

— Можно... — заикнулся он. — Можно нарисовать метки на земле. Вокруг телеги.

— А если их развеет ветром? Что тогда?

— Ферма может быть за следующим холмом! — настаивал Арлен.

— Или в двадцати милях дальше, — парировал отец. — А может, она сгорела год назад. Кто знает, что случилось с тех пор, как нарисовали эту карту?

— По-твоему, мама не стоит риска? — возмутился Арлен.

— Не говори мне, чего она стоит! — Джеф едва не отвесил ему затрещину. — Я люблю ее всю свою жизнь! Я лучше знаю! Но я не собираюсь рисковать нашими жизнями. Сильви продержится ночь. Ей придется!

С этими словами он натянул поводья, развернул телегу, хлестнул Мисси кожаными ремнями по бокам и пустил в обратный путь. Лошадь помчалась во весь опор, напуганная приближением темноты.

Арлен снова повернулся к Сильви, глотая горькие слезы бессильной злобы. Он смотрел, как тело матери безжизненно подсакивало в телеге, когда колеса налетали на камень или выбоину. Отец мог думать что угодно. Арлен знал, что шансы Сильви выжить сократились вдвое.

* * *

Солнце почти село, когда они завидели одинокую ферму. Перепуганный Джеф погнал не менее уstraшенную Мисси во весь опор. Арлен бросился к матери, тело которой подсакивало на ухабах, и крепко обнял ее, принимая на себя синяки и удары.

Но не все; мальчик чувствовал, как расходятся аккуратные стежки Колин и раны снова начинают кровоточить. Если Сильви не умрет от подземной лихорадки, ее может доконать скачка.

Джеф подогнал телегу прямо к крыльцу и завопил:

— Харл! Помоги!

Дверь распахнулась почти мгновенно — они даже не успели слезть с телеги. На пороге появился мужчина в поношенном комбинезоне и с вилами в руке. Харл был худым и жилистым, как сушеное мясо. За его спиной стояла крепкая молодая женщина — Илэйн. Она сжимала короткую лопату с металлическим наконечником. Когда Арлен видел Илэйн в прошлый раз, она плакала от испуга, но сейчас в ее глазах не было страха. Она подошла к телеге, не обращая внимания на ползучие тени.

Джеф поднял Сильви с телеги, и Харл кивнул.

— Неси в дом, — приказал он.

Джеф торопливо пересек охранный круг и с облегчением выдохнул.

— Открой большой хлев! — велел Харл дочери. — В маленький телега не влезет.

Илэйн подобрала юбки и побежала. Харл повернулся к Арлену:

— Поставь телегу в хлев, мальчик! Да поскорее!

Арлен повиновался.

— Нет времени распрягать лошадь, — сказал фермер. — Придется ей потерпеть.

Вторую ночь подряд. Наверное, Мисси уже никогда не распрягут.

Харл и Илэйн поспешно закрыли дверь хлева и проверили метки.

— Чего ждешь? — рявкнул фермер на Арлена. — Бегом в дом! Они вот-вот явятся!

Не успел он договорить, как поднялись первые демоны. Харл и Арлен помчались к дому среди паучьих когтистых лап и рогатых голов, выраставших прямо из земли.

Они огибали смерть слева и справа, окрыленные возбуждением и страхом. Первые подземники — проворные огненные демоны — сгустились и бросились в погоню. Пропустив Арлена и Илэйн вперед, Харл развернулся и вонзил вилы в самую гущу тварей.

Фермер попал в грудь бежавшего впереди демона, и тварь упала на своих собратьев. Но даже у крошечного огненного демона оказалась слишком шишковатая и толстая шкура. Подземник схватил вилы когтями, плюнул огнем — деревянный черенок вспыхнул — и отшвырнул оружие в сторону.

Удар не причинил вреда подземникам, но задержал их. Демоны бросились вперед, но резко остановились, когда Харл вскочил на крыльцо. Охранный круг преградил им путь не хуже кирпичной стены. Вспышка магии отбросила тварей во двор. Харл вбежал в дом, запер дверь и прислонился к ней спиной.

— Хвала Создателю, — пробормотал он, задыхаясь и белый как мел.

* * *

В доме Харла было душно и жарко, пахло сыростью и мусором. Кишащий насекомыми тростник на полу впитал часть воды, просочившейся через гнилую крышу, но был далеко не свежим. В доме жили две собаки и несколько кошек — приходилось ступать осторожно. Над огнем висел каменный котелок, и к прочим запахам примешивалась кислая вонь похлебки, которую непрерывно варили, ели и подливали по мере необходимости. За лоскутной занавеской в углу скрывался горшок.

Арлен худо-бедно перевязал раны матери. Затем Илэйн и ее сестра Бени забрали Сильви в свою комнату, а младшая дочь Харла, Ренна, поставила на стол еще две потрескавшиеся деревянные миски для Арлена и его отца.

В доме было всего три комнаты: одна для девочек, другая для Харла и общее помещение, где они готовили, ели и работали. Потрепанная занавеска отделяла очаг и обеденный стол. Меченая дверь вела из общей комнаты в малый хлев.

— Ренна, проверьте с Арленом метки, пока мужчины разговаривают, а мы с Бени приготовим ужин, — велела Илэйн.

Ренна кивнула, взяла Арлена за руку и потащила за собой. Ей было почти десять лет — всего на год младше Арлена. На ней была простая рубашка, поношенная и аккуратно заштопанная. Каштановые локоны, перевязанные тряпочкой, выбились из прически и

обрамляли круглое чумазое личико.

— Эта стерлась. — Девочка указала на метку на подоконнике. — Наверное, кошка наступила.

Ренна достала уголек из набора для рисования меток и аккуратно заполнила пропуск.

— Так не пойдет, — возразил Арлен. — Линии должны быть ровными. Иначе метки слабеют. Надо нарисовать заново.

— Мне не разрешают рисовать метки, — прошептала Ренна. — Я должна звать отца или Илэйн, если не могу исправить сама.

— Я могу исправить.

Арлен взял уголек, осторожно стер старую метку и уверенно нарисовал новую. Отступил, осмотрел окно и быстро заменил еще несколько штук.

Харл заметил, чем они занимаются, и нервно вскочил, но Джеф успокоил его и усадил на место.

Арлен был доволен собой.

— Даже скальный демон не пройдет, — с гордостью заявил он.

Он оглянулся и увидел, что Ренна смотрит на него.

— Что?

— Ты выше, чем помнилось. — Девочка опустила глаза и смущенно улыбнулась.

— Еще бы, года два прошло, — ответил Арлен, не зная, что еще сказать.

Когда они закончили осмотр, Харл позвонил дочь. Они с Ренной тихо переговорили, и Арлен заметил, что девочка взглянула на него раз-другой, но слов не расслышал.

На ужин подали грубую, но сытную похлебку из пастернака, кукурузы и неопознаваемого мяса. За едой отец с сыном поведали свою историю.

— Зря вы к нам не заглянули, — сказал Харл. — Мы не раз бывали у старой Мей Фриман. Это ближе, чем тащиться к Тригг. Коли обратная дорога заняла два часа, вы бы скоро добрались до фермы Мэка Выгона. От него до старой Мей около часа. Городская жизнь ей не по нутру. Наддали бы ходу — ели бы похлебку у Мей.

Арлен треснул ложкой по столу. Все уставились на него, но он даже не заметил — не сводил глаз с отца.

Джеф долго не выдержал и повесил голову.

— Откуда мне было знать, — несчастно произнес он.

Илэйн погладила его по плечу:

— Не корите себя за осторожность. — Девушка с упрёком посмотрела на Арлена. — Вырастешь — поймешь.

Арлен резко встал из-за стола, прошел за занавеску и свернулся клубком у окна, наблюдая за демонами через щель в ставнях. Подземники вновь и вновь пытались проникнуть за метки, но Арлену казалось, что магия не защищает, а держит его в плену.

* * *

— Поиграйте с Арленом в хлеву, — приказал Харл младшим дочерям, когда все доели. — Илэйн уберет посуду. Дайте взрослым потолковать.

Бени и Ренна вскочили и бросились за занавеску. Арлену не хотелось играть, но девочки не дали ему вставить и слова — подняли на ноги и поволокли в хлев.

Бени зажгла потрескавшийся фонарь, и в хлеву стало немного светлее. Арлен насчитал двух старых коров, четырех коз, свинью с восемью поросятами и шесть куриц. Все были худыми и костлявыми, недокормленными. Даже у свиньи торчали ребра. Животных едва хватало, чтобы прокормить Харла с дочерьми.

Хлев был ничуть не лучше. Половина ставней была сломана, солома на полу сгнила. Козы проделали дыру в стойле и таскали сено у коров. Грязь, помои и навоз в свином стойле слиплись в единую массу.

Ренна таскала Арлена от стойла к стойлу.

— Папа запрещает давать клички животным, но мы потихоньку их называли. Это Копытце, — она указала на корову. — У нее кислое молоко, но папа говорит, что все в порядке. А рядом с ней — Ворчунья. Она брыкается, но только если доить ее грубо или поздно. Коз зовут...

— Арлену плевать на животных, — перебила Бени.

Она схватила Арлена за руку и потащила. Бени была старше и выше сестры, но Арлену больше нравилась Ренна. Дети забрались на сеновал и плюхнулись на чистое сено.

— Сыграем в убежище? — Бени достала из кармана кожаный мешочек и бросила на настил четыре деревянные кости.

На костях были нарисованы символы: огонь, камень, вода, воздух, дерево и метка. В эту игру играли по-разному, но большинство сходилось в том, что надо выкинуть три метки, прежде чем выпадут четыре одинаковых символа демонов.

Они поиграли в кости. У Ренны и Бени были собственные правила. Арлен подозревал, что они изобрели их, чтобы выигрывать.

— Две метки три раза подряд считаются за три, — заявила Бени, выкинув именно такую комбинацию. — Мы победили.

Арлен был не согласен, но что толку спорить?

— Мы выиграли, и ты должен сделать, что мы скажем, — продолжила Бени.

— Не должен, — возразил Арлен.

— Должен! — настаивала Бени.

Арлену снова показалось, что спорить нет смысла.

— И что мне придется делать? — подозрительно спросил он.

— Давайте играть в чмоки! — захлопала в ладоши Ренна.

Бени вlepила сестре подзатыльник:

— Сама знаю, тупица!

— Какие еще чмоки? — спросил Арлен. Он заподозрил, что уже знает ответ.

— Увидишь, — ответила Бени, и девочки рассмеялись. — Это игра для взрослых. Папа иногда играет в нее с Илэйн. Научишься, когда женишься.

— Это вроде брачных клятв? — настороженно спросил Арлен.

— Нет, глупыш, это вот как. — Бени положила руки Арлену на плечи и прижалась губами к его губам.

Арлен никогда еще не целовался. Бени разомкнула губы, и он сделал то же самое. Они стукнулись зубами и отпрянули друг от друга.

— Ой! — вскрикнул Арлен.

— Бени, ты слишком сильно целуешься, — упрекнула Ренна. — Теперь моя очередь.

Разумеется, Ренна целовалась намного нежнее. Арлену понравилось. Ее губы приятно согрели, как огонь в холода.

— Вот как надо, — сказала Ренна, когда они отстранились друг от друга.

— Мы сегодня спим вместе, — ответила Бени. — Можем потренироваться.

— Извините, что пришлось отдать кровать моей маме, — сказал Арлен.

— Ничего, — ответила Ренна. — Мы спали вместе каждую ночь, пока мама не умерла.

Но теперь Илэйн спит с папой.

— Почему? — спросил Арлен.

— Мы не должны об этом говорить, — прошипела Бени.

Ренна не обратила на нее внимания, но понизила голос:

— Илэйн говорит, после смерти мамы папа сказал, что теперь ее черед о нем позаботиться.

— В смысле, готовить и шить? — уточнил Арлен.

— Нет, вроде игры в чмоки, — ответила Бени. — Только для нее обязательно нужен мальчик.

Она потянула его за комбинезон.

— Покажи нам свою штучку — научим.

— Ничего я не покажу! — попятился Арлен.

— Почему? — спросила Ренна. — Бени научила Люцика Хмеля, и он теперь все время хочет играть.

— Папа и отец Люцика сказали, что мы сговорены, — похвастала Бени. — Так что нам можно. Вас с Ренной тоже сговорят, значит ты должен показать ей свою штучку.

Ренна прикусила палец и отвернулась, но краешком глаза поглядывала на Арлена.

— Вранье! — крикнул Арлен. — Ни с кем я не сговорен!

— А о чем, по-твоему, сейчас толкуют взрослые? — спросила Бени.

— Ни о чем!

— Сам послушай!

Арлен взглянул на девочек, спустился по лестнице и тихо проскользнул в дом. За занавеской раздавались голоса. Он подкрался поближе.

— Я бы сразу забрал Люцика, — признался Харл, — но Фернан сказал, пусть еще сезон варит сусло. На ферме не хватает рук, мы едва сводим концы с концами, особенно после того, как курицы перестали нестись и одна из коров прокисла.

— Мы заберем Ренну на обратном пути, — пообещал Джеф.

— Скажем им, что они сговорены? — спросил Харл.

Арлен затаил дыхание.

— Чего ж не сказать?

Харл фыркнул.

— Лучше подожди до завтра. Скажешь по дороге. Мальчишки иногда закатывают сцены. Девочкам это обидно.

— И то верно, — согласился Джеф.

Арлену захотелось кричать.

— Уж я-то знаю. Можешь мне поверить: девчонки переживают из-за всяких пустяков. Правда, Лэйни?

Раздался шлепок, Илэйн взвизгнула.

— Пару часов поплачут — и горя как не бывало, — добавил Харл.

Молчание затянулось, и Арлен попятился обратно к двери хлева.

— Пойду спать, — проворчал Харл.

Арлен замер.

— Лэйни, Сильви спит в твоей кровати, — продолжил фермер. — Можешь лечь у меня, но сперва помой посуду и уложи сестер.

Арлен спрятался за верстаком. Харл сходил в уборную и закрылся в своей комнате. Мальчик хотел вернуться в хлев, но тут заговорила Илэйн.

— Я тоже хочу уехать, — выпалила она, едва за ее отцом закрылась дверь.

— Что? — переспросил Джеф.

Арлен видел их ноги под занавеской. Илэйн обошла стол и села рядом с Джефом.

— Забери меня, — повторила Илэйн. — Умоляю! Люцик позаботится о Бени. Мне надо уехать.

— Почему? — спросил Джеф. — Разве вам не хватит еды на троих?

— Дело не в этом. Неважно. Я скажу папе, что пошла работать в поле, когда вы вернетесь за Ренной. Встречу вас на дороге. Когда отец сообразит, что я сбежала, между нами проляжет ночь. Он не отправится в погоню.

— Не уверен, — заметил Джеф.

— Ваша ферма очень далеко. — Арлен заметил, что Илэйн положила руку на колено Джефа. — Я буду работать. Я заплачу.

— Я не стану красть у Харла дочь, — ответил Джеф. — К чему мне с ним ссориться?

Илэйн сплюнула.

— Старый негодяй сослался, что Сильви спит в моей кровати, — тихо сказала она. — А на самом деле он меня бьет, если я с ним не ложусь. Каждую ночь, когда Ренна и Бени уснут...

Джеф долго молчал.

— Понятно, — наконец сказал он, сжал кулак и попытался встать.

— Не надо, — попросила Илэйн. — Ты его не знаешь. Он тебя убьет.

— И что, мне стоять и смотреть? — спросил Джеф.

Арлен не понимал, из-за чего сыр-бор. Что с того, если Илэйн ляжет в комнате Харла?

Илэйн придвинулась к отцу Арлена.

— Кто-то должен позаботиться о Сильви, — прошептала она. — А если она не выживет...

Она наклонилась еще ближе и погладила Джефа между ног, как Бени пыталась погладить Арлена.

— Хочешь — стану твоей женой? Нарожаю полный дом детишек.

Джеф застонал.

Арлен вспыхнул, его затошнило. Он сглотнул и ощутил во рту горечь. Ему хотелось закричать и выдать заговорщиков Харлу. Фермер сразился с подземником ради дочери! Джеф на подобное не способен. Арлен представил, как Харл бьет его отца. Приятное зрелище.

Джеф помедлил и оттолкнул Илэйн:

— Нет. Завтра мы отвезем Сильви к травнице, и она поправится.

— Тогда забери меня. — Илэйн упала на колени.

— Я... подумаю, — ответил отец Арлена.

В этот миг Бени и Ренна выбежали из хлева. Арлен вскочил, делая вид, будто только что вошел вместе с девочками. Илэйн поспешно встала. Кричать было поздно.

Уложив сестер спать и выдав Арлену и Джефу пару грязных одеял в общем помещении, Илэйн глубоко вдохнула и вошла в комнату отца. Вскоре Арлен услышал, как Харл тихо

хрюкает, а Илэйн приглушенно стонет. Притворившись, будто не слышит, мальчик взглянул на отца. Джеф кусал кулак.

* * *

Арлен встал перед самым рассветом, когда все еще спали. Он открыл дверь и нетерпеливо уставился на подземников. Твари шипели и рвали воздух когтями по другую сторону охранного круга. Когда последний демон во дворе растаял, Арлен вышел из дома и напоил Мисси и лошадей Харла в большом хлеву. Кобыла была в дурном настроении и укусила его.

— Еще денек, — утешил ее Арлен и повесил Мисси торбу с кормом на шею.

Когда он вернулся в дом и постучал по дверному косяку комнаты Ренны и Бени, его отец еще спал. Бени отдернула занавеску, и Арлен сразу заметил, что сестры встревожены.

— Она не просыпается, — выдавила Ренна, стоявшая на коленях возле матери Арлена. — Я знаю, вы хотели уехать на рассвете, но когда я попыталась ее растолкать...

Со слезами на глазах девочка указала на кровать.

— Она такая бледная!

Арлен бросился к матери, взял за руку. Пальцы Сильви были холодными и липкими, лоб горел. Она неровно и мелко дышала, от нее несло гнилью. Повязки пропитались желтовато-коричневым гноем.

— Папа! — крикнул Арлен.

Через мгновение в комнату вбежали Джеф и Илэйн, за ними Харл.

— Времени в обрез, — сказал Джеф.

— Возьмите мою лошадь в придачу, — предложил Харл. — Будете менять, когда притомятся. Если поднажмете, к вечеру доберетесь до Мей.

— Мы у тебя в долгу, — сказал Джеф, но Харл отмахнулся.

— Не мешкайте. Илэйн соберет поесть в дорогу.

Ренна поймала Арлена за руку, когда он повернулся к двери.

— Мы сговорены, — прошептала она. — По вечерам я буду ждать на крыльце твоего возвращения.

Она поцеловала его в щеку. Ее губы были мягкими, и Арлен еще долго чувствовал их прикосновение.

* * *

Телега с грохотом подсакивала на разбитой дороге. Они остановились только раз, чтобы сменить лошадей. Арлен с отвращением покосился на еду, которую собрала Илэйн. Джеф уписывал за обе щеки.

Ковыряя грубый хлеб и жесткий вонючий сыр, Арлен подумал, что мог ошибиться. Возможно, он неправильно истолковал услышанное и Джеф, не задумываясь, отверг Илэйн.

Через миг соблазнительная иллюзия разлетелась вдребезги.

— Как тебе младшая дочка Харла? — спросил Джеф. — Вы с ней вроде познакомились поближе.

Это было сродни удару под дых.

— Ренна? — Арлен притворился, будто ни о чем не подозревает. — Вроде ничего. А что?

— Я потолковал с Харлом. Мы заберем ее на ферму на обратном пути.

— Зачем?

— Ухаживать за твоей мамой, помогать по хозяйству и... не только.

— Что — не только?

— Мы с Харлом надеемся, что вы поладите.

— А если нет? — спросил Арлен. — Если мне неохота, чтобы какая-то девка таскалась за мной целыми днями и просила поиграть в чмоки?

— Со временем тебе понравится играть в чмоки.

— Пусть тогда и приходит. — Арлен пожал плечами и сделал вид, будто не понимает, куда клонит отец. — Почему Харлу нейдет сбывать ее с рук?

— Ты же видел, в каком состоянии ферма; они едва сводят концы с концами. Харл очень любит дочерей и хочет для них самого лучшего. А самое лучшее — выдать их замуж пораньше, чтобы зятья помогали на ферме, чтобы успеть увидеть внуков. Илэйн уже старше большинства невест. Люцик Хмель осенью начнет помогать Харлу. Все надеются, что они с Бени поладят.

— Похоже, у Люцика тоже нет выбора, — проворчал Арлен.

— Да он счастлив жениться на Бени! — разозлился обычно спокойный Джеф. — Арлен, жизнь не усыпана розами. В Бруке намного больше мальчиков, чем девочек. Ты же не хочешь потратить жизнь впустую? Каждый год старость, болезни и подземники пожинаяют обильную жатву. Не будет детей — и Тиббетс-Брук вымрет, как сотни деревень до него! Нельзя этого допустить!

Арлен благоразумно промолчал.

Через час Сильви закричала. Отец с сыном обернулись и увидели, что она пытается встать на ходу, хватается за грудь, дышит с жутким присвистом. Арлен бросился в задок телеги, и мать неожиданно крепко обняла его, выкашливая вязкую мокроту на рубашку. Сильви смотрела прямо на него выпученными, налитыми кровью глазами, но словно не узнавала. Арлен завопил, когда мать забилась в конвульсиях, и попытался ее удержать.

Джеф остановил телегу и вместе с сыном уложил Сильви. Женщина корчилась, хрипло кричала. Она в последний раз изогнулась, как Чоли, и замерла.

Джеф посмотрел на жену, запрокинул голову и взвыл. Арлен едва не прокусил губу, пытаясь сдержать слезы, но все же не утерпел. Отец и сын вместе рыдали над телом Сильви.

Немного успокоившись, Арлен вяло огляделся. Он пытался сосредоточиться, но мир плыл перед глазами, словно во сне.

— И что теперь? — наконец спросил он.

— Повернем обратно, — слова отца резали, как нож. — Отвезем ее домой и сожжем. Попробуем жить дальше. Кто-то должен позаботиться о ферме и животных, и даже с помощью Ренны и Норин придется попотеть.

— Ренны? — недоверчиво переспросил Арлен. — Мы все равно берем ее с собой? Несмотря ни на что?

— Арлен, жизнь продолжается. Ты уже почти взрослый мужчина, а мужчине нужна жена.

— Ты и себе жену присмотрел? — выпалил Арлен.

— Что?

— Я слышал вас с Илэйн прошлой ночью! — закричал Арлен. — Ты уже нашел новую жену! На маму тебе наплевать! Ты уже нашел, кому засунуть свою штучку! По крайней мере, пока Илэйн не убьют, потому что у тебя кишка тонка ей помочь!

Отец ударил Арлена; звонкая пощечина разорвала утреннюю тишину. Его злость мгновенно утихла, он потянулся к сыну.

— Арлен, прости!.. — выдавил он, но мальчик отшатнулся и соскочил с телеги.

Джеф звал сына, но тот метнулся в придорожный лес, даже не обернувшись.

Арлен опрометью бежал через лес, резко поворачивал, путал следы. Отец не должен его отыскать! Крики Джефа стихли, и Арлен понял, что тот вовсе не гонится за ним.

«И правда, к чему тратить силы? — подумал мальчик. — Он знает, что я вернусь домой до заката. Куда я денусь?»

«Куда угодно», — явился непрошенный ответ. В глубине сердца Арлен знал, что это правда.

Он не может вернуться на ферму и делать вид, будто ничего не случилось. Не может равнодушно наблюдать, как Илэйн занимает место его матери. Даже хорошенькая Ренна с мягкими губами будет постоянно напоминать, что он потерял и почему.

Но куда ему пойти? Отец прав по крайней мере в одном. Нельзя бежать вечно. Надо найти убежище до темноты, иначе эта ночь станет для него последней.

Возвращаться в Тиббетс-Брук нельзя. Его, конечно, приютят, но наутро за ухо отведут домой. Он ничего не добьется, кроме порки.

Тогда в Солнечный Выгон? Местные туда практически не ездят, разве что возят грузы для Хряка. Только вестники.

Колин сказала, что Раген возвращается в Свободные города через Солнечный Выгон. Арлену нравился Раген — единственный взрослый, который не смотрел на него свысока. Вестник и Кирин опередили мальчика на день и ехали верхом, но если поспешить, то, возможно, их удастся догнать и попросить взять с собой в Свободные города.

Карта Колин до сих пор висела у Арлена на шее. На ней была нарисована дорога в Солнечный Выгон и встречные фермы. Даже в лесной глуши мальчик не сомневался, где север.

К полудню он отыскивал дорогу или, вернее, дорога нашла его. Он вышел прямо на нее. Наверное, потерял чувство направления среди деревьев.

Арлен прошагал несколько часов, но не увидел ни ферм, ни дома старой травницы. Он взглянул на солнце и забеспокоился. Если он идет на север, то солнце должно быть слева, но оно находилось впереди.

Он остановился и посмотрел на карту. Так и есть! Он идет в Свободные города, а не в Солнечный Выгон. Хуже того, сразу за поворотом на Свободные города карта кончалась.

Возвращаться было страшно. Кто знает, найдет ли он убежище вовремя? Арлен сделал шаг назад.

«Нет, — решил он. — Пусть отец возвращается. Я пойду вперед во что бы то ни стало».

Арлен снова зашагал по дороге, оставив Тиббетс-Брук и Солнечный Выгон позади. С каждым шагом идти становилось все легче.

Через несколько часов деревья сменились сочными бескрайними лугами, нетронутыми ни плугом, ни скотом. Мальчик поднялся на вершину холма, глубоко вдыхая чистый свежий воздух. Из земли выступал валун. Арлен забрался на него, озирая огромный мир, до которого всегда мечтал дотянуться. Жилья нигде не было видно. Негде попросить убежища. Арлен страшился предстоящей ночи, но смутно, как смерти от старости.

День сменился вечером, и мальчик стал присматривать место для стоянки. Рошица. Неплохо! Под деревьями мало травы и можно нарисовать метки. Но вдруг лесной демон заберется на дерево и бросится в охранный круг сверху?

Каменистый холмик. Арлен постоял на нем, но ветер был слишком сильным. Он может испортить метки, и от них не будет никакого проку.

Наконец Арлен набрел на место, выжженное огненными демонами. Новые ростки еще не пробилась сквозь золу, земля под ногами была твердой. Арлен расчистил участок и начал рисовать охранный круг. Времени было мало, и тот вышел небольшим. Спешка может все испортить.

Арлен острой палочкой рисовал знаки на земле, аккуратно сдувая лишнее. Больше часа мальчик наносил метку за меткой, часто отступая и проверяя, правильно ли выровнены символы. Его руки двигались уверенно и ловко, как всегда.

Наконец круг диаметром шесть футов был готов. Арлен три раза проверил метки и не нашел ни единой ошибки. Он убрал палочку в карман и сел посередине круга. Тени становились все длиннее, солнце опускалось все ниже, небо заиграло переливами красок.

Возможно, он умрет сегодня ночью. А может, и нет. Арлен сказал себе, что это неважно, но его мужество убывало вместе с солнечным светом. Сердце колотилось, инстинкт повелевал вскочить и бежать. Но податься некуда. До ближайшего укрытия оставалось много миль. Мальчик задрожал, хотя холодно не было.

«Это была дурацкая мысль», — прошептал голосок в голове. Арлен на него прикрикнул, но бравада не помогла ему расслабиться, когда последние лучи солнца погасли и мир окутала тьма.

«Вот и они», — предупредил перепуганный голосок, когда над землей взвились струйки тумана.

Дымка медленно сгущалась, демоны обретали плоть и поднимались из земли. Арлен тоже встал, сжимая кулачки. Как всегда, огненные демоны сгустились первыми и радостно заскакали, оставляя за собой пылающие отметины. Следующими поднялись воздушные демоны — побежали, распростерли кожистые крылья и взмыли в воздух. Скальные демоны выдрались из Недр последними, с трудом ворочая тяжелыми тушами.

Подземники увидели Арлена, радостно взвыли и бросились на беззащитного мальчика.

Воздушный демон спикировал первым, метя кривыми когтями на крыльях в горло Арлена. Мальчик завопил, но когти скользнули по незримой стене и высекли искры. Демон по инерции налетел на щит всем телом, и его отшвырнуло назад в ослепительной вспышке. Тварь ударилась о землю и завывала, но кое-как встала на ноги. Ее корежило, разряды энергии пробегали по чешуе.

Следующими попытали удачу проворные огненные демоны, самый крупный — не больше собаки. Они с визгом рванули вперед и принялись драть щит когтями. Арлен

вздрагивал при каждой вспышке магии, но метки не подвели. Обнаружив, что Арлен сплел прочную сеть, демоны плюнули в него огнем.

Разумеется, фокус не прошел. Арлен рисовал метки с тех пор, как научился держать уголек, и прекрасно умел защититься от огненных плевков. Огонь помог демонам не больше, чем когти. Мальчик даже не почувствовал жара.

Подземники сгрудились вокруг, и с каждой вспышкой света Арлен видел все больше тварей. Свирепой стае не терпелось обглодать его кости.

Воздушные демоны пикировали и отлетали от охранного круга. Огненные демоны с досады бросались на Арлена и терпели жгучую боль в надежде прорваться. Магия вновь и вновь отшвыривала их. Арлен перестал дергаться. Он забыл о страхе и принялся обзывать демонов.

Его нахальство разозлило подземников еще больше. Они не привыкли, чтобы жертва их дразнила. Демоны удвоили усилия, а Арлен потрясал кулаками и делал грубые жесты, какие взрослые порой показывали за спиной Хряка.

Так вот кого он боялся? Вот кого страшится человечество? Жалких бестолковых тварей? Смешно! Арлен сплюнул, и слюна зашипела на чешуе огненного демона, утроив его ярость.

Внезапно завывавшие твари заткнулись. В мерцании огненных демонов Арлен увидел, как подземники расступились перед скальным демоном. Чудовище потопало к мальчику, сотрясая землю.

Арлен всю жизнь наблюдал за подземниками издали, из окон и дверей. До кошмарных событий последних дней он никогда не находился вблизи от полностью сгустившегося демона и уж всяко не стоял у него на пути. Арлен знал, что демоны бывают разного размера, но понятия не имел насколько.

Скальный демон был пятнадцати футов ростом.

Скальный демон был огромен.

Арлен вытянул шею. Даже издали монстр казался исполинской глыбой сплошных сухожилий и бритвенно-острых кромок. Его толстый черный панцирь был усеян костяными выступами, шипастый хвост мотался туда-сюда, уравновешивая массивные плечи. Горбясь, демон вышагивал на задних лапах, когти которых оставляли глубокие борозды. Длинные сучковатые передние лапы заканчивались когтями, похожими на ножи мясника. Демон распахнул слюнявую пасть, обнажив несколько рядов острейших зубов. Черный язык попробовал на вкус страх Арлена.

Один из огненных демонов не успел вовремя убраться с пути, и скальный демон небрежно смахнул его в сторону. От удара огненный демон взлетел в воздух, и когти скального оставили на нем глубокие раны.

Гигантский подземник приближался. Арлен в ужасе шагнул назад раз, другой и лишь в последний момент опомнился и остановился у самой границы круга.

Мысль о круге успокоила ненадолго. Арлен сомневался, что его метки выдержат подобное испытание. Да какие угодно метки!

Демон долго разглядывал мальчика, наслаждаясь его страхом. Скальные демоны не любили спешить, хотя при необходимости перемещались удивительно резко.

Демон ударил, и у Арлена сдали нервы. Он завопил, упал на землю, сжался в комок и закрыл голову руками.

Раздался оглушительный взрыв. Слепящая вспышка магии проникла даже сквозь закрытые веки, как будто ночь превратилась в день. Арлен услышал разочарованный визг

демона и приоткрыл один глаз. Подземник закружился и ударил по меткам тяжелым шипастым хвостом.

Магия вспыхнула снова и преградила чудовищу путь.

Арлен заставил себя выдохнуть. Мальчик смотрел, как демон вновь и вновь колотится о метки и ревет от ярости. Теплые мокрые штаны прилипли к ногам.

Устыдившись собственной трусости, Арлен вскочил и посмотрел демону в глаза. Из груди мальчика вырвался первобытный крик, который отрицал самую суть подземника и все, что тот собой представлял.

Арлен поднял камень и бросил в демона.

— Убирайся обратно в Недра! — гаркнул он. — Проваливай! Сдохни!

Демон едва ли заметил, как камень отскочил от брони, но ярость твари умножилась. Подземник кидался на метки, не в силах пробиться в круг. Арлен обзывал демона всеми грязными и жалкими словами, какие сумел припомнить, и шарил по земле в поисках камней.

Когда камни закончились, мальчик начал подпрыгивать, размахивая руками. Оскорбления — тоже оружие.

Арлен поскользнулся и наступил на метку.

Время словно замерло. Арлен и гигантский демон молча смотрели друг на друга. Постепенно до них дошло, что случилось. Очнулись они одновременно. Арлен выхватил палочку и бросился к метке, а демон ударил его огромной когтистой лапой.

Арлен мгновенно оценил повреждение: одна из линий знака разорвана. Он исправил метку взмахом палочки, уже зная, что опоздал. Когти впились в его плоть.

Но магия снова обрела силу и отбросила демона. Тварь взвыла от боли. Арлен тоже застонал, перекатился, выдернул когти из спины, отшвырнул и лишь потом понял, что случилось.

В круге лежала, дергалась и дымилась лапа демона.

Арлен изумленно посмотрел на отсеченную конечность, обернулся и увидел, что демон ревет и мечет. Досталось всем подземникам, которые не догадались убраться подальше. Хватило одной лапы.

Мальчик посмотрел на обрубок. От аккуратного обожженного среза поднимался вонючий дымок. Арлен с показной отвагой подобрал огромную лапу и попытался выбросить из круга, но метки работали в обе стороны. Плоть подземника не могла покинуть круг. Лапа отскочила от меток и упала к ногам Арлена.

Нахлынула боль. Арлен потрогал раны на спине. На руках осталась кровь. Мальчика затошнило, его силы иссякли, он упал на колени и заплакал от боли, от страха пошевелиться и ненароком стереть еще одну метку, но больше всего от тоски по матери. Теперь он понимал, какую боль она испытала в ту ночь.

Арлен дрожал от страха до утра. Демоны кружили, выжидали, надеялись, что мальчик ошибется и впустит их в круг. Он не посмел бы уснуть, даже если бы мог. Достаточно неловко пошевелиться, и подземники набросятся на беззащитную добычу.

Казалось, рассвет никогда не наступит. Арлен часто поглядывал на небо, но видел только искалеченного каменного исполина, который прижимал к груди гноящийся обрубок с запекшейся кровью. Подземник мерил круг шагами, и в глазах его застыла ненависть.

Через целую вечность горизонт заалел. Красный цвет сменился оранжевым, желтым и, наконец, ослепительным белым. Подземники спустились в Недра, не дожидаясь, пока небо

пожелтеет, но гигант тянул до последнего, скалил зубы и шипел на Арлена.

И все же страх солнца оказался сильнее ненависти. Когда последние тени разбежались, массивная рогатая голова однорукого скального демона скрылась под землей. Арлен выпрямился и вышел из круга, морщась от боли. Спина горела. За ночь раны перестали кровоточить, но заново открылись, когда мальчик потянулся.

Арлен взглянул на обрубок лапы. Он напоминал полено, покрытое жесткой холодной чешуей. Мальчик поднял тяжелую штуковину и поднес к глазам.

«Хоть есть чем похвастать», — подумал он.

Арлен задрожал при виде своей крови на черных когтях, но попытался собраться с духом.

В этот миг его коснулся луч солнца, наконец поднявшегося над горизонтом. Лапа демона зашипела, задымилась, застреляла, словно мокрое полено, которое швырнули в огонь. Через мгновение она вспыхнула, и Арлен в ужасе ее уронил. Мальчик заворуженно смотрел, как огонь разгорался все ярче, как солнце превращало страшную лапу в жалкие обугленные останки. Он осторожно подтолкнул лапу носком, и она рассыпалась в прах.

* * *

Арлен побрел дальше, опираясь на ветку. Он понимал, что ему несказанно повезло. Надо же было так сглупить! Разве можно доверять меткам на земле? Даже Раген им не доверяет. А если бы ветер испортил метки, как боялся отец Арлена?

Создатель, а если бы пошел дождь?

Сколько ночей он протянет? Арлен понятия не имел, что лежит за следующим холмом. До Свободных городов несколько недель пути, а прежде жилья может и не встретиться.

На глаза мальчика навернулись слезы. Он грубо стер их и зарычал. Отец привык уступать страху, но Арлен уже знал, что это бесполезно.

— Я не боюсь, — сказал он себе. — Не боюсь.

Арлен пошел дальше, понимая, что лжет сам себе.

Около полудня он набрел на ручей с каменистым дном. Вода была холодной и чистой, и мальчик наклонился, чтобы попить. Спину пронзило кинжальной болью.

Арлен никак не обработал раны. Защить их, как Колин, он не мог. Мальчик вспомнил, как мать всегда первым делом промывала его порезы и ссадины.

Он разделся. Спина рубашки была порвана и пропитана запекшейся кровью. Арлен окунул рубашку в ручей, глядя, как стекают пыль и кровь. Разложил одежду на камнях для просушки и погрузился в холодную воду.

Холод был лютый, зато спина скоро онемела. Он хорошенько растерся и начал осторожно промывать саднящие раны, пока боль не стала нестерпимой. Дрожа, он вылез из ручья и лег на камни рядом с одеждой.

Через некоторое время он рывком проснулся и выругался, увидев, что солнце стоит низко и день близок к концу. Можно было пройти еще немного, но к чему рисковать? Лучше потратить лишнее время на укрепление защиты.

Недалеко от ручья нашлась широкая сырая прогалина. Арлен без труда снял дерн, утоптал рыхлую землю, разгладил ее и приступил к рисованию меток. На этот раз он нарисовал круг пошире, трижды его проверил и начертил внутри еще один, на всякий случай.

Мокрой земле ветер не страшен. Дождя, судя по небу, не будет.

Арлен удовлетворенно вырыл ямку, натаскал сухих веток и разжег костерок. Затем сел в центре внутреннего круга, глядя на закат и пытаясь не обращать внимания на голод. Когда алое небо стало лиловым, а затем пурпурным, мальчик потушил костер и глубоко задышал, чтобы унять сердцебиение. Наконец свет погас и поднялись подземники.

Арлен затаил дыхание. Огненный демон учуял запах и с визгом бросился к добыче. Накатил страх прошлой ночи, и кровь застыла у мальчика в жилах.

Подземники не замечали его меток, пока не налетали на них. При первой вспышке магии Арлен с облегчением выдохнул. Демоны царапали преграду когтями, но пробиться не могли.

Воздушный демон поднялся повыше, где метки слабели, прорвал первый круг и спикировал на добычу, но врезался во второй и рухнул в промежуток между кругами. Арлен с трудом сдерживался, пока тварь неуклюже пыталась встать.

Демон покачивался на задних лапах. Он был высоким и худым, с длинными и тонкими конечностями, которые заканчивались кривыми шестидюймовыми когтями. Между нижней стороной передних лап и внешней стороной задних была натянута тонкая кожистая мембрана. Ее поддерживал каркас из гибких костей, торчавших из боков чудовища. Демон был немногим выше взрослого мужчины, но расправленные крылья увеличивали его рост вдвое, так что в небе тварь казалась огромной. Вдоль хребта наподобие гребня тянулся изогнутый рог, тоже оплетенный мембраной. Рыло щерилось несколькими рядами дюймовых зубов, желтых в лунном свете.

На земле демон двигался неуклюже — ничего общего с изящным парением в небе. Вблизи воздушные демоны впечатляли намного меньше своих сородичей. У лесных и скальных демонов есть толстый панцирь и мощные лапы, они невероятно сильны. Огненные демоны проворнее любого человека и поджигают все вокруг своими плевками. Воздушные... Арлен подумал, что Раген смог бы пробить тонкое крыло копьем.

«Ночь, — подумал он, — да я бы тоже сумел».

Но у него нет копья, и даже столь жалкий подземник убьет его, если внутренние метки подведут. Демон придвинулся, и Арлен напрягся.

Подземник попытался зацепить его кривым когтем на конце крыла, и Арлен вздрогнул, но охранная сеть засверкала вспышками и отразила удар.

После нескольких бесплодных попыток подземник решил подняться в воздух. Он побежал и расправил крылья, чтобы поймать ветер, но ударился о внешний круг, не успев набрать скорость. Магия отшвырнула его в грязь.

Арлен невольно рассмеялся, глядя, как демон пытается подняться. Огромные крылья наводили ужас в небе, но на земле только мешали сохранять равновесие. У твари не было ладоней, чтобы на них опираться, а длинные и тонкие лапы прогибались. Демон в отчаянии задергался и наконец сумел встать.

Он снова и снова пытался вырваться из ловушки и взлететь, но расстояние между кругами было слишком мало. Огненные демоны почували отчаяние сородича, радостно завизжали и запрыгали вдоль круга, насмехаясь над злосчастной тварью.

Арлен раздулся от гордости. Прошлой ночью он наделал ошибок, но больше это не повторится. В его сердце поселилась надежда выжить и добраться до Свободных городов.

Огненным демонам скоро надоело дразнить воздушного, и они отправились на поиски легкой добычи, плевками поднимая из укрытий мелкую живность. Перепуганный зайчонок

забежал во внешнее кольцо Арлена, а его преследователя остановили метки. Воздушный демон неуклюже попытался схватить зверька, но заяц без труда уклонился, пробежал через круг и оказался на другой стороне, где тоже поджидали подземники. Заяц бросился обратно и снова ускакал слишком далеко.

Арлен жалел, что не может поговорить с несчастным зверьком и объяснить ему, что во внутреннем круге безопасно. Мальчик мог лишь смотреть, как заяц скачет в круг и обратно.

А затем случилось немыслимое. Заяц снова запрыгнул в круг и смазал метку. Огненные демоны с воем ринулись в погоню через прореху. Одинокий воздушный демон вырвался на свободу, взмыл в воздух и улетел.

Арлен обругал зайца и выбранил его еще страшнее, когда зверек бросился прямо к нему. Если он испортит внутренние метки, они оба обречены.

С проворством деревенского паренька Арлен высунулся из круга и схватил зайца за уши. Зверек отчаянно дергался, пытаясь вырваться на свободу, но Арлен часто ловил зайцев в отцовских полях. Он перевернул его на спину и задрал задние лапы выше головы. Заяц безучастно уставился на мальчика и перестал сопротивляться.

Арлену хотелось швырнуть зайца демонам. Вдруг он вырвется и испортит еще одну метку? «А что такого? — подумал он. — Я бы и сам его съел, если бы поймал днем».

И все же он не смог отдать зверька на растерзание демонам. Подземники слишком много отняли у мира и лично у него. Арлен поклялся, что ничего не отдаст им по доброй воле. Никогда.

Даже зайца.

Арлен крепко держал перепуганного зверька, ворковал, гладил по мягкой шерстке. Вокруг завывали демоны, но Арлен отрешился от них и сосредоточился на животном.

Через некоторое время ужасающий рев вырвал его из размышлений. Арлен поднял глаза и увидел, что над ним возвышается массивный однорукий скальный демон. Слюна чудовища с шипением капала на метки. Рана зажила, остался шишковатый обрубок. Похоже было, что с прошлой ночи ярость демона только возросла.

Подземник колотился о преграду, не обращая внимания на жгучую магическую боль. Вновь и вновь наносил оглушительные удары, пытаясь прорваться и отомстить. Арлен крепко прижимал к груди зайца и следил за чудовищем широко распахнутыми глазами. Он знал, что метки не ослабеют от ударов, но все равно боялся, что тому хватит решимости прорваться в круг.

* * *

Когда забрезжило утро и демоны скрылись, Арлен наконец отпустил зайца, и зверек немедленно ускакал. В животе у мальчика урчало, когда он смотрел ему вслед, но они столько пережили вместе, что он просто не мог его съесть.

Арлен встал, пошатнулся и едва не упал. Накатила тошнота. Порезы на спине горели огнем. Арлен потрогал воспаленную, опухшую кожу, и на руках остался вонючий бурый гной — такой же Колин вымыла из ран Сильви. Порезы саднило, и мальчика лихорадило. Он снова окунулся в холодную воду, но внутренний жар не утих.

Арлен понял, что умрет. До старой Мей Фриман, если она вообще существует, больше двух дней пути. Если у него и вправду подземная лихорадка, то это уже неважно. Двух дней

он не протянет.

И все же Арлен не собирался сдаваться. Шатаясь, он побрел вдоль тележной колеи, куда бы она ни вела.

Если ему суждено погибнуть, то лучше умереть ближе к Свободным городам, чем к тюрьме, которая ждала его позади.

Лиша проплакала всю ночь.

В этом не было ничего необычного, но сегодня она горевала не из-за матери, а из-за криков. Чьи-то метки подвели; чьи именно — сказать невозможно, но крики ужаса и агонии эхом разносились в темноте, и дым поднимался в небо. Отблески огня преломлялись в дыму, и чудилось, будто горит весь поселок.

Жители Лесорубовой Лощины не отваживались искать уцелевших. Не смели даже бороться с огнем. Им оставалось лишь молиться Создателю, чтобы ветер не растащил угольки. Дома в Лесорубовой Лощине строили вразброс именно потому, что боялись огня, но сильный ветер неплохо разносит искры.

Даже если пожар не распространится, зола и дым могут закоптить метки и подземники прорвутся к желанной добыче.

Они не испытывали на прочность метки вокруг дома Лиши. Дурной знак, — видимо, демоны нашли кого ловить в темноте.

Беспомощной и напуганной Лише оставалось одно — плакать. Оплакивать мертвых, раненых, себя. В поселке меньше четырех сотен человек, и смерть каждого станет для нее ударом.

В свои без малого тринадцать лет Лиша была на редкость хорошенькой, с длинными волнистыми черными волосами и пронзительными светло-голубыми глазами. Она еще не расцвела и потому не могла выйти замуж, но была стоворена с Гаредом Лесорубом, самым красивым парнем в поселке. Высокий и мускулистый Гаред был на два года ее старше. Другие девочки пищали от восторга, когда он шел мимо, но Гаред принадлежал Лише, и все это знали. Он подарит ей здоровых детишек.

Если переживет эту ночь.

Дверь в ее комнату открылась. Мать не считала нужным сперва постучать.

Лицом и телом Элона мало отличалась от дочери. В тридцать лет она еще не утратила красоты. Грива черных волос, гордо расправленные плечи, пышная, женственная фигура служили предметом общей зависти. Соблазнительные округлости — единственное, что Лиша надеялась унаследовать от матери. Ее собственная грудь едва налилась и еще не скоро сравняется с материнской.

— Хватит выть, глупая девка! — Элона бросила Лише тряпку, чтобы вытерла глаза. — Что толку рыдать в одиночестве? Можно поплакать перед мужчиной, чтобы добиться своего, но мокрая подушка не оживит мертвых.

Она захлопнула дверь, и Лиша снова осталась одна в страшном оранжевом зареве,

мерцавшем за планками ставней.

«Неужели она совсем бесчувственная?» — поразилась Лиша.

Мать права, слезы не вернут мертвых к жизни, но напрасно она думает, что плакать бесполезно. Слезы всегда помогали Лише справиться с бедами. Другие девочки считали жизнь Лиши идеальной, но только потому, что понятия не имели, как обращалась Элона со своим единственным ребенком, когда никто не видел. Не секрет, что Элона мечтала о сыновьях и вымещала разочарование на Лише и ее отце.

И все же Лиша яростно вытерла глаза. Скорей бы расцвести и уйти к Гареду! Односельчане построят им дом в подарок на свадьбу. Гаред перенесет ее через метки и сделает женщиной под одобрительные возгласы зевак. У нее родятся собственные дети, и она никогда не станет обращаться с ними так, как Элона — с ней.

* * *

Лиша уже оделась, когда мать заколотила в дверь. Девочка всю ночь не смыкала глаз.

— Ты должна выйти из дома, едва прозвонит рассветный колокол, — велела Элона. — И не смей ныть, будто устала! Нашу семью должны видеть в первых рядах.

Лиша хорошо знала мать и понимала, что «видеть» — ключевое слово. Элоне было наплевать на всех, кроме себя.

Отец Лиши, Эрни, ждал у двери под суровым взглядом Элоны. Он был невысок, и назвать его жилистым означало наделять несуществующей силой. Воля у него была не крепче тела. Этот робкий мужчина никогда не повышал голос. Эрни был старше Элоны на дюжину лет; его тонкие каштановые волосы поредели на макушке, на носу сидели очки в тонкой оправе. Много лет назад он купил эту диковину у вестника.

Короче говоря, Элона мечтала совсем о другом муже, но Свободные города остро нуждались в добротной бумаге, которую делал Эрни, и его деньги жене очень даже нравились.

В отличие от матери, Лиша искренне хотела помочь соседям. Она побежала на пожар, едва подземники исчезли, даже до звона колокола.

— Лиша! Стой! — крикнула Элона, но Лиша не обратила внимания. Девочка закрыла рот фартуком от удушливого густого дыма и прибавила ходу.

Несколько человек поспели прежде нее. Три дома сгорели дотла, и два еще пылали, угрожая пожаром соседям. Лиша закричала, когда увидела, что один из домов — Гаред.

Смитт, владелец трактира и лавки, отдавал приказания. Он был городским гласным, сколько Лиша себя помнила. Смитт не слишком любил командовать, предпочитая, чтобы люди сами улаживали свои проблемы, но все считали его хорошим начальником.

— ...Таскать воду из колодца слишком долго, — услышала Лиша. — Надо передавать ведра по цепочке от ручья и поливать уцелевшие дома, не то к ночи сгорит вся деревня!

В этот миг прибежали Гаред и Стив, обездоленные и закопченные, но совершенно целехонькие. Гаред в свои пятнадцать был выше большинства взрослых жителей деревни. Стив, его отец, был настоящим великаном. При виде погорельцев комок в животе Лиши растаял.

Смитт указал на Гаред, прежде чем Лиша успела подбежать к жениху:

— Гаред, вези тележку с ведрами к ручью!

Гласный оглядел остальных.

— Лиша! Дуй за ним и наполняй ведра!

Лиша побежала со всех ног, но Гаред, несмотря на тяжелую тележку, поспел первым к небольшому ручью, который за много миль к северу впадал в реку Энджирс. Юноша остановился, и Лиша упала в его объятия. Она думала, что при виде Гаред ужасные видения развеются, но ее опасения только усилились. Она не переживет, если потеряет Гаред!

— Я боялась, что ты умер, — простонала она у него на груди.

— Я жив, — прошептал он, крепко обнимая невесту. — Я жив.

Они начали спешно разгружать тележку и наполнять ведра. Вскоре больше сотни поселян выстроились аккуратной цепочкой от ручья до пожара, передавая полные ведра и возвращая пустые. Силача Гаред позвали обратно на пожар вместе с тележкой — выплескивать воду.

Вскоре рачитель Майкл привез тележку Гаред, груженную ранеными. Лиша не знала, что и думать. Ужасно видеть обожженных и израненных друзей и соседей, но уцелевшие после прорыва — редкость, и есть за что благодарить Создателя.

Священник и служка, Малыш Джона, уложили пострадавших у ручья. Майкл предоставил молодому человеку утешать их, а сам отправился с тележкой за следующей партией.

Лиша отвернулась и сосредоточилась на ведрах. Ее ноги онемели в холодной воде, руки стали свинцовыми, но она забылась в работе. Шепоток вернул ее к реальности.

— Карга Бруна идет, — сказал кто-то, и Лиша вскинула голову.

И правда, по тропе брела дряхлая травница под руку со своей ученицей, Дарси.

Никто толком не знал, сколько Бруне лет. Поговаривали, что те, кому она помогла явиться на свет, успели состариться, а она уже тогда была древней старухой. Она пережила мужа, детей и внуков и осталась одна-одинешенька.

Сквозь пергаментную кожу Бруны просвечивали острые косточки. Полуслепая старуха ходила медленно, шаркая, но если злилась, то орала на весь поселок и с поразительной силой и меткостью охаживала ослушников сучковатой палкой.

Лиша, как и большинство односельчан, боялась ее до полусмерти.

Ученица Бруны была глуповатой девицей двадцати лет, пухлой и щекастой. После того как Бруна пережила очередную ученицу, ее заставили взять в обучение несколько юных особ. Старуха неустанно осыпала их оскорблениями, и сбежали все, кроме Дарси.

— Уродливая, как бык, и такая же сильная, — сказала как-то Элона о Дарси и хихикнула. — Чего ей бояться старой карги? Вряд ли Бруна распугает ее поклонников.

Бруна опустилась на колени рядом с пострадавшими, уверенно ощупывая раны, а Дарси развернула тяжелую ткань со множеством карманов. Они были помечены символами, в каждом лежал инструмент, флакон или мешочек. Раненые стонали и кричали, но травница не обращала внимания, щипала раны и нюхала пальцы, полагаясь на руки и чутье больше, чем на зрение. На ощупь она запускала руку в карманы, смешивала травы в ступке с пестиком.

Дарси начала разводить небольшой костерок и взглянула на Лишу, которая стояла и смотрела у ручья.

— Лиша! Принеси воды, да поскорее! — рявкнула она.

Девочка бросилась исполнять поручение. Бруна замерла, нюхая травы в ступке.

— Идиотка! — завопила Бруна.

Лиша испуганно подскочила, но Бруна швырнула ступку и пестик в Дарси, угодив ей в

плечо и осыпав толчеными травами.

Бруна теребила ткань, выхватывала содержимое карманов и обнюхивала, словно дикий зверь.

— Ты положила смердячку на место свиного корня и перемешала синь-траву с маревником! — Старуха принялась охаживать Дарси сучковатой палкой по плечам. — Хочешь этим людям смерти или до сих пор не научилась читать?

Лиша уже видела мать в подобном состоянии, и если Элона была страшнее подземника, то карга Бруна казалась матерью всех демонов. Лиша попятилась. Только бы на нее не обратили внимания!

— Ну все, с меня хватит, старая карга! — завопила Дарси.

— Так проваливай! — заявила Бруна. — Я лучше перепорчу все метки в этом городе, чем завещаю тебе свою сумку с травами! Меньше вреда людям!

Дарси засмеялась.

— Проваливать? — спросила она. — А кто будет таскать твои пузырьки и треножки, старуха? Разводить огонь, готовить еду, вытирать слюну, когда тебя одолеет кашель? Возить твои старые кости в тележке, когда ты сляжешь от холода и сырости? Я нужна тебе больше, чем ты мне!

Бруна замахнулась палкой. Дарси отскочила и споткнулась о Лишу, которая пыталась держаться тише воды ниже травы. Обе девушки упали.

Бруна воспользовалась секундным замешательством и снова размахнулась палкой. Лиша покатила по грязи, чтобы не попасть под раздачу, но Бруна целилась метко. Дарси завопила от боли, прикрывая голову руками.

— Пошла вон! — крикнула Бруна. — Не желаю с тобой больше возиться!

Дарси зарычала и встала. Лиша боялась, что девица ударит старуху, но Дарси убежала. Бруна проводила ее бранью. Лиша затаила дыхание и попятилась, не поднимаясь с колен. Ей почти удалось спастись, но в последний момент Бруна ее заметила.

— Эй ты, соплячка Элоны! — завопила она, указывая на Лишу сучковатой палкой. — Разведи костер и поставь мой треножник!

Бруна снова повернулась к раненым, и Лише осталось только повиноваться.

Следующие несколько часов Бруна заваливала девочку бесконечными приказами и ругала за медлительность. Лиша проворно носила и кипятила воду, растирала травы, варила тинктуры и смешивала мази. Не успевала она довести дело до половины, как древняя травница отдавала новый приказ, и Лише приходилось работать все спешнее и спешнее. С пожара прибывали все новые раненые со страшными ожогами и переломами. Девочка боялась, что уже горит полдеревни.

Одних Бруна поила чаями, чтобы снять боль, других погружала в сон без сновидений и резала острыми инструментами. Старуха неутомимо зашивала раны, ставила припарки, перевязывала.

Ближе к вечеру Лиша внезапно поняла, что все раны обработаны, а у ручья никого нет. Девочка осталась наедине с Бруной и ранеными, которые дремали или безучастно таращились в никуда благодаря травам Бруны.

На Лишу навалилась усталость. Девочка упала на колени и втянула воздух. Каждый дюйм ее тела болел, но вместе с болью пришло чувство глубокого удовлетворения. Многие могли не выжить, но теперь выживут, отчасти благодаря ее стараниям.

Но она признавала, что настоящая героиня — Бруна. Лиша сообразила, что старуха уже

несколько минут не отдает приказов. Девочка посмотрела на нее и увидела, что Бруна рухнула на землю, задыхаясь.

— На помощь! На помощь! — завопила Лиша. — Бруне плохо!

Она ощутила прилив сил, бросилась к старухе и усадила ее. Карга Бруна оказалась на удивление легкой, и Лиша нащупала под ее теплыми шальями и шерстяными юбками одни только косточки.

Бруна дергалась, из ее рта бежала струйка слюны, терявшаяся среди бесчисленных морщин. Темные глаза старухи, подернутые мутной пленкой, в ужасе смотрели на руки, которые непрерывно тряслись.

Лиша лихорадочно огляделась, но рядом никого не было. Поддерживая Бруну, она схватила дрожавшую руку, растерла сведенные мышцы.

— Бруна, милая! — взмолилась она. — Что мне делать? Скажите! Я не знаю, как вам помочь! Объясните, что делать!

Лиша заплакала от беспомощности.

Бруна выдернула руку, и Лиша вскрикнула, опасаясь новых судорог. Но ее старания помогли старой травнице собраться с силами, вытащить полотняный мешочек из-за пазухи и сунуть Лише. Ее хрупкое тело сотряс приступ кашля, она вырвалась из рук Лиши и упала на землю, трепыхаясь, как рыба на суше. Лиша в ужасе держала мешочек.

Девочка опустила взгляд на него, неуверенно сжала и нащупала внутри сухие травы. Понюхала — похоже на смесь.

Хвала Создателю! Будь в мешочке только одна трава, она бы нипочем не угадала дозировку, но сегодня Лиша приготовила для Бруны столько tinkтур и чаев, что сообразила, как поступить.

Она бросилась к котелку, кипевшему на треножнике, накрыла чашку тонкой тканью и щедро насыпала трав из мешочка. По капле налила кипяток, чтобы травы отдали силу, ловко увязала их в ткань и бросила в воду.

Девочка метнулась обратно к Бруне, дуя на жидкость. Слишком горячо, но ждать, пока остынет, некогда. Лиша приподняла Бруну одной рукой и прижала чашку к ее слюнявым губам.

Травница задергалась, пролив часть лекарства, но Лиша заставила ее выпить. Желтая жидкость стекала из уголков старческого рта. Бруна продолжала дергаться и кашлять, но ей стало заметно лучше, и Лиша заплакала от облегчения.

— Лиша!

Девочка оторвала взгляд от Бруны и увидела, что мать спешит к ней во главе толпы.

— Что ты натворила, безмозглая девка? — Элона первой добежала до Лиши и зашипела: — Мало того что у меня есть бесполезная дочь и нет сына, чтобы бороться с огнем! Ты еще и прикончила старую каргу!

Она размахнулась, чтобы влечь дочери пощечину, но Бруна перехватила запястье Элоны костлявыми пальцами.

— Идиотка! Она спасла карге жизнь! — прохрипела Бруна.

Элона мертвенно побледнела и отшатнулась, как будто Бруна обратилась в подземника. Лише понравилось это зрелище.

К этому времени их обступили остальные, спрашивая, что случилось.

— Моя дочь спасла Бруне жизнь! — воскликнула Элона, прежде чем Лиша или Бруна успели открыть рты.

Рачитель Майкл держал свой меченый Канон над головой, чтобы все видели священную книгу. Мертвых бросили в пламя последнего горящего дома. Поселяне сжимали шляпы в руках, склонив головы. Джона кинул щепотку ладана в огонь, и едкий смрад, пропитавший воздух, стал чуть менее неприятным.

— Пока не явится Избавитель, чтобы уничтожить Напасть, помните, что демоны посланы людям за грехи! — крикнул Майкл. — Блудницы и прелюбодеи! Лжецы, воры и лихоимцы!

— Надутые святоши, — пробормотала Элона. Кто-то хохотнул.

— Покинувшие земную юдоль явятся на суд, — продолжил Майкл. — Те, кто следовал воле Создателя, воссоединятся с Ним на небесах, а те, кто обманул Его доверие, запятнал себя потаканием своим прихотям и плоти, будет вечно гореть в Недрах!

Он закрыл книгу, и собравшиеся молча поклонились.

— Оплакивать мертвых — должно и правильно, — сказал Майкл, — но не стоит забывать и тех, кому Создатель назначил жить. Так вскроем бочонки и выпьем за мертвых! Давайте рассказывать о них байки и смеяться, ведь жизнь драгоценна. Поплакать успеем ночью, за метками.

— Узнаю нашего рачителя, — пробормотала Элона. — Ему лишь бы вскрыть бочонок.

— Не стоит, милая! — Эрни похлопал ее по руке. — Он не со зла.

— Трус защищает пьяницу! — Элона выдернула руку. — Стив бросается в горящие дома, а мой муж прячется среди женщин!

— Я передавал ведра от ручья! — возразил Эрни. Они со Стивом соперничали за сердце Элоны, и поговаривали, что Эрни победил только благодаря тугой мошне.

— Вот именно, как женщина. — Элона разглядывала мускулистого Стива через толпу.

Так было всегда. Лише хотелось заткнуть уши. Хотелось, чтобы подземники забрали ее мать, а не семь хороших людей. Хотелось, чтобы отец хоть раз дал отпор матери — ради себя, если не ради дочери. Хотелось поскорее расцвести, чтобы уйти от родителей к Гареду.

Старики и дети, которые не могли тушить пожар, приготовили славный ужин и накрыли столы, пока остальные сидели, не в силах пошевелиться, и смотрели на тлевшие угли.

И все же пожар был потушен, раненые шли на поправку, и до заката оставалось еще несколько часов. Слова рачителя успокоили тех, кто испытывал чувство вины за то, что выжил, а крепкий эль Смитта довершил дело. Уверяли, что он способен исцелить любое горе, а горя выпало немало. Вскоре длинные столы дрожали от смеха — живые рассказывали байки о мертвых.

Гаред сидел в нескольких столах от Лиши со своими друзьями Реном и Флинном, их женами и еще одним другом, Эвином. Все юноши — лесорубы — были старше Гаредда на несколько лет, но тот уступал ростом только Рену, да и того должен был скоро перещеголять. Из их компании один Эвин не был сговорен, и девицы поглядывали на него, несмотря на его буйный нрав.

Старшие друзья без конца поддразнивали Гаредда, особенно насчет Лиши. Ей не нравилось трапезничать с родителями, но сидеть с Гареддом, выслушивать сальные шутки Рена и Флинна и терпеть нападки Эвина было куда неприятнее.

Насытившись, рачитель Майкл и Малыш Джона поднялись из-за стола и отнесли

большое блюдо еды в Праведный дом, где Дарси ухаживала за Бруной и ранеными. Лиша напросилась им в помощь. Гаред заметил маневр и встал, чтобы присоединиться к невесте, но его смели в сторону ее ближайšie подруги — Брианна, Сэйра и Мэйри.

— Это правда? — Сэйра схватила ее за левую руку.

— Говорят, ты избивала Дарси и спасла жизнь карге Бруне! — Мэйри потянула за правую. Лиша беспомощно обернулась на Гаред и позволила себя увести.

— Медведь подождет своей очереди, — сказала Брианна.

— Гаред, подруги будут ей важнее даже после свадьбы! — крикнул Рен.

Его друзья загоготали, стуча по столу. Не обращая внимания, девушки расправили юбки и устроились на траве, подальше от столов, за которыми взрослые шумно осушали бочонок за бочонком.

— Ну все, завелся, — рассмеялась Брианна. — Рен поставил пять клатов, что Гаред не поцелует тебя до сумерек и уж точно не лапает.

В свои шестнадцать она уже два года как овдовела, но недостатка в поклонниках не испытывала. Брианна уверяла, что только благодаря женским штучкам. Она жила с отцом и двумя старшими братьями, лесорубами, и по-матерински заботилась о них.

— В отличие от некоторых, я не позволяю себя лапать кому попало.

Брианна с притворным возмущением взглянула на Лишу.

— А я бы разрешила Гареду меня лапать, если бы мы были створены, — сказала Сэйра.

Ей исполнилось пятнадцать. У нее были коротко подстриженные каштановые волосы и пухлые веснушчатые щеки. В прошлом году ее створили, но подземники в одну ночь отняли у нее жениха и отца.

— Вот бы и меня с кем-нибудь створили, — заметила Мэйри.

В свои четырнадцать она была костлявой, со впалыми щеками и выдающимся носом. Она полностью расцвела, но родители пока не смогли подыскать ей жениха. Элона называла ее пугалом. «Ни один мужчина не захочет засадить между этих тощих ляжек, — фыркнула она как-то раз. — Не дай Создатель, пугало разорвет пополам в родах!»

— Скоро створят, — пообещала Лиша.

Она была самой младшей, но Брианна, Сэйра и Мэйри тянулись к ней. Элона говорила, это потому, что она смазливее и богаче, но Лиша не верила в подобную мелочность подруг.

— Ты правда избивала Дарси палкой? — спросила Мэйри.

— Все было не так! Дарси ошиблась, и Бруна принялась избивать ее палкой. Дарси попятилась и наткнулась на меня. Мы обе упали, и Бруна колотила ее, пока та не убежала.

— Если бы она ударила меня палкой, я бы дала ей сдачи, — заявила Брианна. — Папа говорит, что Бруна ведьма и по ночам сношается в своей хижине с демонами!

— Фу, ну и бред! — воскликнула Лиша.

— Тогда почему она поселилась так далеко от поселка? — спросила Сэйра. — И почему до сих пор жива, хотя даже ее внуки умерли от старости?

— Потому что она травница, — ответила Лиша, — а травы не растут посреди поселка. Я помогала ей сегодня, и это было здорово! Я думала, половина пострадавших не выживет, но она спасла всех до единого.

— Ты видела, как она ворожила? — оживилась Мэйри.

— Она не ведьма! — возмутилась Лиша. — Она лечила только травами, ножом и иглой с ниткой.

— Она резала людей? — с отвращением спросила Мэйри.

— Ведьма, — заявила Брианна.

Сэйра кивнула. Лиша недовольно посмотрела на подруг, и они притихли.

— Она не просто резала людей. Она их лечила. Это было... не могу объяснить. Она такая старая, и все же работала без передышки, пока не помогла всем. Казалось, она держится на одной силе воли. Она свалилась, едва вылечила последнего.

— И ты спасла ее? — спросила Мэйри.

Лиша кивнула:

— Она дала мне лекарство перед самым приступом кашля. По правде говоря, я только заварила его. Я держала ее, пока кашель не стих, тогда нас и нашли.

— Ты трогала ее? — Брианна поморщилась. — От нее небось пахнет прокисшим молоком и травой.

— Создатель! — не выдержала Лиша. — Бруна спасла сегодня дюжину жизней, а вам все шуточки!

— С ума сойти, — усмехнулась Брианна. — Лиша спасает каргу, и вдруг ее сиськи так и рвутся из платья.

Лиша нахмурилась. В отличие от подруг, ей еще только предстояло расцвести, и она очень переживала из-за своей плоской груди.

— Лиша, ты тоже потешалась над ней, — упрекнула Сэйра.

— Возможно, но больше не стану, — отрезала Лиша. — Пусть она злобная старуха, но Бруна заслуживает уважения.

В этот миг к ним подошел Малыш Джона. Ему исполнилось семнадцать, но он был слишком мал и худ, чтобы махать топором или тянуть пилу. Его главным занятием было писать и читать письма неграмотным жителям городка — то есть почти всем. Лиша одна из немногих умела читать и часто заходила к Малышу Джоне — одолжить книгу из собрания рачителя Майкла.

— У меня послание от Бруны, — сказал юноша Лише. — Она хочет...

Он осекся. Гаред сгреб его за рясу, затем развернул, словно бумажную куклу, хотя Джона был на два года старше, и подтянул к носу.

— Я же запретил тебе трепаться с чужими невестами, — прорычал Гаред.

— Я не трепался! — Ноги Джоны болтались в дюйме от земли. — Я только...

— Гаред! — рявкнула Лиша. — Немедленно отпусти его!

Гаред посмотрел на Лишу, затем на Джону. Покосился на своих дружков, снова взглянул на Лишу и разжал пальцы. Джона рухнул на землю, с трудом поднялся и убежал. Брианна и Сэйра захихикали, но Лиша приструнила подруг и обрушилась на Гареду:

— Во имя Создателя, что ты творишь?

Гаред потупился.

— Извини, — сказал он. — Просто... мне весь день не удавалось с тобой поговорить, вот я и разозлился, когда увидел, как ты с ним болтаешь.

— Ах, Гаред! — Лиша коснулась его щеки. — Не ревнуй. Ты для меня единственный.

— Правда? — спросил Гаред.

— А ты извинишься перед Джоной?

— Ага.

— Тогда да, правда. А теперь возвращайся за стол. Я скоро приду.

Она поцеловала его. Гаред расплылся в широкой ухмылке и убежал.

— Наверное, так дрессируют медведя, — пробормотала Брианна.

— Медведя, который только что вылез из репейника, — добавила Сэйра.

— Оставьте его в покое, — приказала Лиша. — Гаред не хотел плохого. Он просто слишком сильный и немного...

— Неуклюжий? — предположила Брианна.

— Тугодумный? — добавила Сэйра.

— Безмозглый? — припечатала Мэйри.

Лиша толкнула подруг, и они рассмеялись.

* * *

Стив и Гаред перебрались за стол Лиши. Юный лесоруб грозно поглядывал по сторонам. Жаль, им нельзя обниматься на людях, пока Лиша не войдет в возраст и рачитель не скрепит официальную помолвку. Но даже тогда придется ограничиться целомудренными прикосновениями и поцелуями.

Лиша все же целовалась с Гаредом, когда они оставались наедине, но не более, несмотря на насмешки Брианны. Девочке хотелось соблюсти традицию, чтобы их брачная ночь запомнилась на всю жизнь.

К тому же есть еще Кларисса, которая любила танцевать и флиртовать. Она научила Лишу и ее подруг танцевать рил и вплетать цветы в волосы. Кларисса была поразительно красива и не знала отбоя от ухажеров.

Ее сыну, должно быть, уже три года, но ни один мужчина в Лесорубовой Лощине не признал его своим. Поговаривали, что отец ребенка женат, и долгие месяцы, пока живот Клариссы рос, рачитель Майкл в каждой проповеди твердил, что она согрешила и Напасть Создателя крепнет из-за таких, как она.

— Демоны внешние суть отражение демонов внутренних, — говаривал он.

Раньше Клариссу любили, но все изменилось. Женщины ее сторонились, шептались вслед, а мужчины отводили глаза, когда их жены были рядом, и отпускали сальные шуточки, когда оставались одни.

Кларисса уехала с вестником в Форт Райзон, как только отлучила сына от груди, и не вернулась. Лиша скучала по ней.

— Интересно, зачем Бруна посылала Джону? — спросила Лиша.

— Терпеть не могу этого коротышку, — прорычал Гаред. — Вечно он на тебя пялится и воображает своей женой!

— Какая разница? Пусть воображает.

— Я никому тебя не отдам, даже в мечтах.

Гаред накрыл своей лапцей ее ладошку под столом. Лиша вздохнула и прильнула к жениху. Бруна подождет.

В этот миг Смитт, качнувшись от эля, поднялся и постучал глиняной кружкой по столу:

— Друзья! Прошу внимания!

Жена Смитта, Стефни, помогла ему залезть на скамью и придержала, чтобы поменьше шатался. Толпа притихла, и Смитт прочистил горло. Он не любил приказывать, зато обожал произносить речи.

— Худшие времена выявляют в нас самое лучшее, — начал он. — Создатель узрит наше рвение. Узрит, что мы исправились, пошлет Избавителя и положит конец Напасти. Узрит, что

мы — одна семья, несмотря на зло в ночи. Ибо что такое Лесорубова Лощина, если не семья? Да, мы ссоримся, бранимся и любим одних соседей больше, чем других, но когда приходят подземники, семейные узы скрепляют нас вместе, как нити основы ткацкого станка. Мы разные, но никого не оставим на растерзание демонам.

Смитт перевел дух.

— Глухой ночью подземники прорвали оборону четырех домов. Двадцать человек оказались в лапах разъяренных демонов! Но благодаря вашему героизму погибли только семеро.

Толпа внимала.

— Никлас! — Смитт указал на мужчину с рыжеватыми волосами, сидевшего напротив. — Бросился в горящий дом, чтобы спасти свою мать!

Никлас покраснел.

— Джоу! — Гласный указал на другого мужчину, и тот подскочил. — Не далее как позавчера они с Дэвом поссорились у меня на глазах и даже обменялись тумачами. Но прошлой ночью Джоу ударил лесного демона — лесного демона! — своим топором, чтобы Дэв и его домочадцы успели убежать в охранный круг!

Распалившись, Смитт запрыгнул на стол — весьма ловко, хотя был под хмельком. Он расхаживал по столу, называл людей и перечислял их заслуги.

— Герои отыскались и днем. Гаред и Стив! — Он указал на них пальцем. — Оставили свой дом догорать и принялись тушить те, что еще можно было спасти. Благодаря им и остальным сгорело только восемь домов, хотя запросто мог сгореть весь поселок!

Смитт повернулся и внезапно взглянул на Лишу. Гласный указал на девочку пальцем. Ее словно ткнули в живот кулаком.

— Лиша! — выкрикнул он. — Тринадцатилетняя девочка спасла жизнь травнице Бруне!

Смитт обвел собравшихся рукой.

— В сердце каждого жителя Лесорубовой Лощины бьется сердце героя! Подземники испытывают нас, горе нас закаляет, и Лесорубова Лощина крепка, словно милнская сталь!

Толпа одобрительно заревела. Те, кто потерял близких, кричали громче всех, их щеки были мокры от слез.

Смитт наслаждался произведенным впечатлением. Через некоторое время он похлопал в ладоши, и люди притихли.

— Рачитель Майкл, — он указал на священника, — открыл двери Праведного дома раненым, а Стефни и Дарси вызвались ухаживать за ними всю ночь. Кроме того, Майкл предлагает метки Создателя тем, кому некуда больше идти.

Смитт поднял кулак.

— Но разве дело героям спать на жестких скамьях? Ведь они в кругу семьи! У меня в трактире легко поместятся десятеро, а то и больше, если нужно. Кто еще готов предложить свои метки и постели героям?

Все снова закричали, на этот раз громче. Смитт расплылся в широкой улыбке и похлопал в ладоши.

— Создатель радуется вам, — молвил он, — но час уже поздний. Я распределю...

Элона встала. Она тоже выпила несколько кружек, и у нее заплетался язык.

— Мы с Эрни возьмем Гаред и Стива. — Эрни недовольно покосился на жену. — У нас полно места, а поскольку Гаред и Лиша сговорены, они уже, считай, родственники.

— Как великодушно, Элона. — Смитт не сумел скрыть удивление. Элона редко

проявляла великодушие, и никогда — без тайной корысти.

— А это прилично? — громко спросила Стефни, и все посмотрели на нее.

Стефни работала в трактире мужа, а в свободное время помогала в Праведном доме или изучала Канон. Она ненавидела Элону — очко в ее пользу, с точки зрения Лиши, — но при этом первой набросилась на Клариссу, когда ее положение стало очевидным.

— Два сговоренных ребенка под одной крышей? — спросила Стефни, покосившись не на Гаред, а на Стива. — Мало ли что может случиться! Лучше вам взять кого-нибудь другого, а Гаред и Стив поселятся в трактире.

Элона сощурилась:

— Полагаю, трех родителей достаточно, чтобы присмотреть за двумя детьми, — ледяным тоном возразила она.

Женщина повернулась к Гареду и стиснула его широкие плечи.

— Мой будущий зять поработал сегодня за пятерых. А Стив — за десятерых!

Элона покачнулась и ткнула великана в могучую грудь. Затем повернулась к Лише и едва не упала. Стив со смехом поддержал ее за талию. Его рука казалась огромной на ее тонком стане.

— Даже моя... дочь отличилась сегодня. Я не позволю своим героям спать в чужом доме!

Слово «бесполезная» Элона проглотила, но Лиша все равно его услышала. Стефни нахмурилась, но остальные горожане сочли вопрос решенным и принялись предлагать свои дома другим нуждающимся.

Элона снова споткнулась и со смехом упала Стиву на колени.

— Ляжешь в комнате Лиши, — сказала она. — Это рядом со мной.

Элона понизила голос, но недостаточно. Гаред покраснел, Стив засмеялся, а Эрни повесил голову. Лиша пожалела отца.

— Лучше бы подземники забрали ее прошлой ночью, — пробормотала девочка.

Отец взглянул на нее.

— Никогда так не говори, — велел он. — Ни о ком.

Он строго смотрел на Лишу, пока она не кивнула.

— К тому же, — печально добавил он, — демоны наверняка поспешили бы ее вернуть.

* * *

Погорельцев разместили, и люди начали расходиться, но тут пронесся шепоток и толпа расступилась. По проходу, хромя, ковыляла старая карга Бруна.

Мальш Джона поддерживал женщину за руку. Лиша вскочила, чтобы подхватить травницу за другую.

— Бруна, напрасно вы встали, — упрекнула она. — Вам надо отдыхать!

— Ты сама виновата, девка, — отрезала Бруна. — Кое-кому приходится хуже, чем мне, и я хотела забрать травы из хижины. Если бы твой сторож...

Старуха сверкнула глазами на Гаред, и тот в ужасе отпрянул.

— ...не помешал Джоне передать мое послание, я отправила бы тебя со списком. Но уже поздно, и мы пойдем вместе. Переждем ночь за моими метками и вернемся утром.

— Но почему я? — спросила Лиша.

— Потому что остальные безмозглые девицы не умеют читать! — вспыхнула Бруна. — И перепутают флаконы еще хуже, чем дуреха Дарси!

— Джона умеет читать, — возразила Лиша.

— Я предложил свою помощь... — начал было служка, но осекся и вскрикнул — Бруна припечатала палкой его ступню к земле.

— Девочка, знахарство — женское дело, — сказала Бруна. — Праведникам остается лишь молиться, пока мы трудимся.

— Я... — Лиша оглянулась на родителей в поисках защиты.

— По-моему, прекрасная мысль. — Элона наконец слезла с коленей Стива. — Переночуй у Бруны.

Она подтолкнула дочь в спину.

— Моя девочка рада помочь, — широко улыбнулась Элона.

— Может, Гареду тоже сходить? — Стив пнул сына.

— Верно! Утром он поможет нести травы и зелья. — Элона заставила Гареду встать.

Древняя травница мрачно посмотрела на нее, затем на Стива, но кивнула.

* * *

Старуха еле-еле тащилась, шаркая ногами. Они добрались до хижины перед самым закатом.

— Проверь метки, парень, — велела Бруна Гареду.

Лиша завела старуху в дом, усадила в кресло и накрыла лоскутным одеялом. Бруна натужно дышала, и Лиша боялась нового приступа кашля в любую минуту. Девочка налила воду в чайник, положила в очаг дрова и трут и огляделась в поисках кремня и кресала.

— Коробка на полке, — подсказала Бруна, и Лиша заметила деревянную коробочку. Внутри не оказалось ни кремня, ни кресала, а только короткие деревянные палочки, обмазанные с концов какой-то глиной. Девочка взяла две и попробовала потереть друг о дружку.

— Не так, девка! — рявкнула Бруна. — Никогда не видела спичек?

Лиша покачала головой:

— Спички есть у папы в мастерской, где он смешивает реактивы, но меня туда не пускают.

Старая травница вздохнула и поманила Лишу поближе. Взяла палочку, прижала к искривленному высохшему ногтю и чиркнула. Та вспыхнула. Лиша выпучила глаза.

— Мы умеем не только лечить.

Бруна поднесла спичку к тонкой свече и держала, пока палочка не догорела. Затем зажгла лампу, отдала свечу Лише и подняла лампу повыше. Мерцающий свет залил пыльную полку, забитую книгами.

— Ого! — воскликнула Лиша. — Да у вас больше книг, чем у рачителя Майкла!

— И это не пустые рассказы, выхолощенные праведниками. Травницы хранят крупницы знаний прежнего мира — с самого Возвращения, когда демоны сожгли великие библиотеки.

— Наука? — поразила Лиша. — Но разве не спесь ученых навлекла Напасть?

— Это Майкл так считает, — фыркнула Бруна. — Знала бы, что мальчишка вырастет в такого напыщенного болвана, — оставила бы у матери между ног. Наука и магия вместе

победили подземников в первый раз. В сагах говорится о великих травницах, которые лечили смертельные раны и смешивали травы и минералы, чтобы губить демонов без счета огнем и ядом.

Лиша собиралась задать очередной вопрос, когда вернулся Гаред. Бруна махнула в сторону очага, и Лиша развела огонь и поставила чайник. Вскоре вода закипела. Бруна порылась в многочисленных карманах своего платья и насыпала особую смесь трав в свою чашку, а Лиши и Гареду — чай. Ее руки так и мелькали, но Лиша все равно заметила, как старуха бросила в чашку Гаредда что-то еще.

Девочка налила воды. Все неловко молчали. Гаред выхлебал свой чай и вскоре начал тереть глаза. Через мгновение он обмяк и захрапел.

— Вы что-то положили в его чай, — обвинила старуху Лиша.

Та захихикала.

— Смолу маревника и пыльцу синь-травы, — уточнила она. — По отдельности годятся на многое, вместе — щепотка усыпляет быка.

— Но зачем?

Улыбка Бруны напоминала оскал.

— На всякий случай. Сговорены вы или нет, не стоит оставлять на ночь пятнадцатилетнего парня с молоденькой девочкой.

— Тогда зачем было брать его с собой? — удивилась Лиша.

Бруна покачала головой:

— Говорила я твоему отцу не жениться на этой мегере, но она потрясла перед ним своим выменем и свела с ума.

Старуха вздохнула.

— Пока не выветрится хмель, Стиву и твоей матери плевать, кто в доме. Гареду незачем их слышать. Мальчишки в его возрасте и без того не сахар.

Лиша выпучила глаза.

— Моя мать ни за что...

— Думай, что говоришь, девочка, — оборвала ее Бруна. — Создателю ненавистны лжецы.

Лиша сникла. Она прекрасно знала Элону.

— Но Гаред не такой, — упрямо возразила она.

Бруна фыркнула:

— Нашла кому рассказывать — деревенской повитухе.

— Это все потому, что я еще не расцвела, — посетовала Лиша. — Мы бы с Гаредом поженились, и я бы исполнила свой долг.

— Что, не терпится? — лукаво улыбнулась Бруна. — Приятное занятие, не спорю. Мужчины годятся не только на то, чтобы размахивать топорами и носить тяжести.

— Почему так долго? — спросила Лиша. — Сэйра и Мэйри испачкали простыни на двенадцатое лето, а мне уже почти тринадцать! Что со мной не так?

— Все в порядке, — ответила Бруна. — Каждая девочка расцветает в свое время. Возможно, тебе придется подождать еще год или больше.

— Целый год! — воскликнула Лиша.

— Не спеши прощаться с детством, девочка, когда вырастешь — пожалеешь. Лежать под мужчиной и рожать ему детей — не лучшая доля.

— Но что может с этим сравниться?

Бруна указала на полку.

— Выбери книгу, — предложила она. — Любую. Я покажу, какие возможности таит мир.

Лиша проснулась резко, когда старый петух Бруны возвестил рассвет. Девочка потеряла лицо и ощутила на щеке отпечаток книги. Гаред и Бруна до сих пор крепко спали. Травница легла рано, но Лиша, несмотря на усталость, зачиталась допоздна. Оказывается, травницы умеют не только вправлять кости и принимать роды! Они изучают природу, ищут сочетания даров Создателя, полезные для Его детей.

Лиша сняла ленту с темных волос, заложила страницу и благоговейно закрыла книгу, словно Канон. Девочка встала, потянулась, подбросила дров в очаг и разворошила угли. Поставила чайник и повернулась к Гареду.

— Вставай, лежебока, — негромко позвала она.

Гаред только замычал. Зелье Бруны так и не выветрилось. Лиша встряхнула Гаред, и тот отмахнулся, не открывая глаз.

— Вставай, не то останешься без завтрака, — засмеялась Лиша и пнула жениха.

Гаред снова замычал и приоткрыл глаза. Когда Лиша попыталась пнуть его еще раз, он схватил ее за ногу и с воплем опрокинул на себя. Гаред перекатился, навалился на нее, заключил в медвежьи объятия. Лиша хихикала, млея от его поцелуев.

— Прекрати! Разбудишь Бруну!

Она шлепнула его вполсилы.

— Подумаешь! Столетняя карга слепа, как летучая мышь.

— Зато карга прекрасно слышит. — Бруна приоткрыла подернутый молочной пленкой глаз. Гаред с криком вскочил и попятился.

— Не распускай руки в моем доме, мальчишка, не то сварю зелье — и на год забудешь о девках, — пригрозила Бруна.

Гаред мертвенно побледнел, и Лиша прикусила губу, чтобы не расхохотаться. Почему-то девочка перестала бояться Бруну, но ей нравилось смотреть, как старуха запугивает всех вокруг.

— Все понял? — осведомилась Бруна.

— Да, сударыня, — поспешно ответил Гаред.

— Прекрасно. А теперь займись делом и наруби дров.

Гаред захлопнул за собой дверь, прежде чем старуха успела договорить. Лиша засмеялась.

— Понравилось? — спросила Бруна.

— Впервые вижу, как Гаред гоняют в хвост и гриву.

— Подойди ближе, чтобы я тебя видела, — приказала Бруна. — Мало варить зелья,

чтобы быть деревенской целительницей. Самого сильного парня полезно припугнуть. Может, в следующий раз подумает, прежде чем кого-нибудь побить.

— Гаред и мухи не обидит! — возмутилась Лиша.

— Как скажешь.

Похоже, Бруна ей не слишком поверила.

— А вы правда можете сварить зелье, чтобы его не тянуло к девушкам? — спросила Лиша.

Бруна рассыпалась смехом:

— На год — нет. По крайней мере, не с одной порции. Зато на несколько дней или даже неделю — не сложнее, чем подсыпать снотворное в чай.

Лиша задумалась.

— В чем дело, девочка? — спросила Бруна. — Боишься, что жених сорвет твой бутон до свадьбы?

— Я думала о Стиве, — призналась Лиша.

— Правильно, — кивнула Бруна. — Но будь осторожна — твоя мать знает секреты травниц. В юности она захаживала ко мне, чтобы заткнуть течь и развлекаться без последствий. Тогда я не понимала, что она собой представляет. К сожалению, я рассказала ей больше, чем следовало.

— Мама не была невинной, когда папа перенес ее через метки? — потрясенно спросила Лиша.

Бруна фыркнула:

— С ней полгорода успело покувыркаться, пока Стив не отвадил соперников.

У Лиши отвисла челюсть.

— Мама осудила Клариссу, когда та понесла!

Бруна сплюнула на пол:

— Все набросились на бедную девочку! Лицемеры, кругом ханжи! Смитт талдычит о семье, но и пальцем не шевельнул, когда его жена натравила горожан на Клариссу, словно стаю огненных демонов. Половина женщин, которые тыкали в девочку пальцем и вопили «Грех!», виновны в том же, только им повезло вовремя выйти замуж или хватило ума принять меры предосторожности.

— Меры предосторожности?

Бруна покачала головой:

— Элоне настолько не терпится понячить внука, что она держит тебя в полном неведении? Скажи-ка, откуда берутся дети?

Лиша покраснела:

— Мужчина, то есть муж... Он...

— Хватит мямлить, девка! Я слишком стара, чтобы ждать, пока ты перестанешь смущаться.

— Он проливает в женщину семя. — Лиша покраснела еще гуще.

Бруна хмыкнула:

— Ты готова лечить ожоги и раны, но краснееешь при разговоре о новой жизни?

Лиша открыла рот, чтобы ответить, но Бруна ее перебила:

— Попроси парня проливать семя на живот, и можешь кувыркаться с ним сколько захочешь. Но парни не всегда вынимают вовремя, как узнала Кларисса. Девчонки поумнее приходят ко мне за чаем.

— Чаем? — Лиша внимала каждому слову.

— Из листьев яблони и кое-каких трав можно сварить чай, который не даст мужскому семени укорениться.

— Но рачитель Майкл говорит... — начала Лиша.

— Избавь меня от цитат из Канона, — оборвала Бруна. — Эта книга написана мужчинами, которым наплевать на положение женщин.

Лиша захлопнула рот.

— Твоя мама часто навещала меня, — продолжила Бруна — Задавала вопросы, помогала по дому, растирала травы. Я собиралась взять ее в ученицы, но ее интересовал только секрет чая. Она выведала, как его варить, и была такова.

— На нее похоже, — признала Лиша.

— Яблуневый чай безопасен в малых дозах, но Стив — парень крепкий, и твоя мать пила слишком много. Наверное, они кувыркались сотни раз, прежде чем дела Эрни пошли на лад и Элона положила глаз на его мощну. К тому времени утроба твоей матери была выскоблена досуха.

Лиша с любопытством посмотрела на старуху.

— После свадьбы Элона два года безуспешно пыталась зачать. Стив женился на молоденькой, и она мигом понесла, отчего твоя мать расстроилась еще больше. Наконец она явилась ко мне и взмолилась о помощи.

Лиша наклонилась ближе, понимая, что сейчас Бруна расскажет, как она появилась на свет.

— Яблуневый чай нужно пить по чуть-чуть, — повторила Бруна, — и хорошо бы делать перерыв на течь раз в месяц, не то пересохнешь. Я предупреждала Элону, но она была слаба на передок и не слушала. Много месяцев я поила ее травами и следила за течью; давала ей снадобья, чтобы подмешивать в еду твоего отца. Наконец она зачала.

— Меня, — сказала Лиша. — Она зачала меня.

Бруна кивнула:

— Я опасалась за тебя, девочка. Утроба твоей матери была слабой, и мы обе знали, что второго случая не будет. Она приходила ко мне каждый день и спрашивала, все ли в порядке с ее сыном.

— Сыном? — переспросила Лиша.

— Я предупреждала ее, что может родиться девочка, но Элона упрямылась. «Создатель не может быть так жесток», — твердила она, забывая, кто создал подземников.

— Так, значит, я просто жестокая шутка Создателя?

Бруна схватила Лишу за подбородок костлявыми пальцами и притянула к себе. Над сморщенными губами старухи шевелились длинные седые волоски, похожие на кошачьи усы.

— Мы сами выбираем, кем быть, девонька, — заметила она. — Позволишь окружающим решать, чего ты стоишь, и пиши пропало, ведь всякий мнит себя лучше других. Элоне некого винить, кроме себя, но себя она слишком любит, чтобы это признать. Проще вымещать злобу на тебе и бедняге Эрни.

— Вот бы ее разоблачили и прогнали из поселка! — воскликнула Лиша.

— Ты готова из злобы предать свой пол?

— То есть? — не поняла Лиша.

— Что такого, если девушка раздвинет ноги перед мужчиной? Травницы не осуждают людей за то, что они следуют зову природы, когда молоды и свободны. Клятвопреступники

— вот кого я не выношу. Дал слово — держи.

Лиша кивнула.

В этот миг вернулся Гаред:

— Дарси пришла проводить вас в город.

— Я же выгнала эту тупую свинью, — проворчала Бруна.

— Поселковый совет собрался вчера и восстановил меня в правах. — Дарси протиснулась в хижину. Она была ниже Гаред, но ненамного и определенно тяжелее. — Ты сама виновата. Других желающих нет.

— Они не могут так со мной поступить! — рявкнула Бруна.

— Еще как могут. Мне это нравится не больше, чем тебе, но ты окочуришься со дня на день, а поселку нужна целительница.

— Я и не таких пережила, — усмехнулась Бруна. — Я сама выбираю, кого учить.

— Останусь, пока не выберешь. — Дарси глянула на Лишу и оскалила зубы.

— Тогда займись делом и свари кашу, — велела Бруна. — Гаред растет не по дням, а по часам. Ему надо как следует есть.

Дарси нахмурилась, но закатала рукава и направилась к кипящему котелку.

— Вернусь в поселок — потолкую со Смиттом, — проворчала Бруна.

— Дарси правда ни на что не годится? — спросила Лиша.

Бруна взглянула на Гаред, водянистыми глазами:

— Ты силен как бык, мальчик, но, по-моему, там еще остались дрова.

Гаред не надо было упрашивать. Он мигом выскочил за дверь и застучал топором.

— Дарси неплохо справляется по хозяйству, — признала Бруна. — Колет дрова едва ли не быстрее твоего жениха и варит съедобную кашу. Но ее ручки слишком неуклюжи для врачевания, и у нее нет дара травницы. Из нее выйдет сносная повитуха — любая идиотка сможет вытащить ребенка из матери. Еще она неплохо вправляет кости, но более тонкая работа ей не по силам. Я боюсь оставить поселок на ее попечение.

* * *

— Гареду ни к чему жена, которая не может приготовить простой ужин! — крикнула Элона.

Лиша нахмурилась. Насколько она знала, ее мать в жизни ничего не готовила. Девочка уже несколько дней толком не спала, но Элона и пальцем не пошевелила, чтобы ей помочь. Лиша весь день ухаживала за больными вместе с Бруной и Дарси. Она схватывала на лету, и Бруна ставила ее в пример. Дарси было наплевать.

Лиша знала, что Бруна хочет взять ее в ученицы. Старуха выразилась вполне недвусмысленно, но не настаивала. Однако надо подумать и об отцовском деле. Лиша с ранних лет работала в мастерской — большой пристройке к дому. Писала письма для поселян и лила бумагу. Эрни говорил, у нее дар. Ее переплеты были красивее отцовских, и она любила добавлять в бумагу цветочные лепестки. Дамы из Лактона и Форты Райзон платили за ее работу больше, чем их мужья за простые листы.

Эрни мечтал оставить мастерскую на дочь, а приготовление пульпы и тяжелую работу — на Гаред. Но литье бумаги не слишком интересовало Лишу. Она занималась им, чтобы проводить время с отцом, подальше от злобного языка матери.

Элоне нравились деньги, но она терпеть не могла мастерскую, жаловалась на вонь щелока от кадок с пульпой и грохот дробилки. Мастерская стала для Лиши и Эрни убежищем и часто оглашалась смехом, невысказанным в доме.

Раскатистый хохот Стива заставил Лишу оторвать взгляд от овощей, которые она нарезала для рагу. Великан сидел в отцовском кресле в общей комнате и пил отцовский эль. Элона примостилась на подлокотнике, смеялась и льнула к Стиву, положив руку ему на плечо.

Лише захотелось превратиться в огненного демона и плюнуть в них огнем. Ей никогда не нравилось сидеть в доме с Элоной, но теперь истории Бруны не шли у нее из головы. Ее мать не любит отца и, возможно, никогда не любила. Она считает дочь жестокой шуткой Создателя. И она не была невинной, когда Эрни перенес ее через метки.

Почему-то это ранило больше всего. Бруна сказала, что женщине не грех наслаждаться мужчиной, но лицемерие матери было отвратительно. Она помогла выгнать Клариссу из города, чтобы скрыть собственное легкомыслие.

«Я не стану такой, как ты», — поклялась Лиша. Она встретит день свадьбы, как заповедал Создатель, и станет женщиной на брачном ложе, не раньше.

Стив что-то сказал, Элона закудахтала, и Лиша принялась напевать себе под нос, чтобы заглушить их. У нее был звонкий и чистый голос; рачитель Майкл часто просил ее петь на службах.

— Лиша! — немедленно рывкнула мать. — Хватит выть! Мы собственных мыслей не слышим!

— Знаю я ваши мысли, — пробормотала Лиша.

— Что ты сказала?

— Ничего! — невинным голосом ответила та.

Они поужинали сразу после заката, и Лиша с гордостью смотрела, как Гаред вытирает куском хлеба третью миску ее рагу.

— Повариха из нее никудышная, сынок, — извинилась Элона, — но есть можно, если не принохиваться.

У Стива эль пошел носом. Гаред засмеялся, глядя на отца, а Элона схватила салфетку с коленей Эрни, чтобы вытереть Стиву лицо. Лиша посмотрела на отца в поисках поддержки, но тот глядел в миску. Он не сказал ни слова с тех пор, как вышел из мастерской.

С Лиши было довольно. Она убрала со стола и ушла к себе в комнату, но и там не обрела покоя. Девочка совсем забыла, что мать отдала ее комнату Стиву. Великан-лесоруб затоптал чистый пол и бросил грязные сапоги прямо на ее любимую книгу, лежавшую у кровати.

Лиша вскрикнула и бросилась к своему сокровищу, но обложка была безнадежно испорчена. На постельном белье из мягкой райзонской шерсти виднелись подозрительные пятна, и от него воняло омерзительной смесью мускусного пота и дорогих энджирских духов — любимых духов матери.

Лишу затошнило. Она прижала драгоценный томик к груди и убежала в отцовскую мастерскую. Когда Гаред ее отыскал, она тщетно пыталась отчистить книгу и плакала.

— Так вот куда ты убегаешь. — Он попытался заключить ее в медвежьи объятия.

Лиша отстранилась, вытерла глаза и попробовала собраться с силами.

— Мне просто хотелось побыть одной.

Гаред поймал ее за руку:

— Это из-за маминой шутки?

Лиша покачала головой и собралась отвернуться, но Гаред крепко держал ее.

— Я смеялся над отцом, не над тобой. Мне понравилось твоё рагу.

— Правда? — Лиша шмыгнула носом.

— Правда.

Он притянул ее к себе и страстно поцеловал.

— На твоей стряпне можно вырастить целую армию сыновей, — хрипло произнес он.

Лиша захихикала:

— Боюсь, нелегкое это дело — рожать армию маленьких Гаредов!

Он стиснул ее и прижался губами к уху:

— Сейчас меня интересует только, как заделать тебе хотя бы одного.

Лиша застонала, но осторожно отстранила его.

— Мы скоро поженимся, — напомнила она.

— Недостаточно скоро, — проворчал Гаред, но отпустил ее.

* * *

Лиша лежала, завернувшись в одеяла, у очага в общем помещении. Стив занял ее комнату, а Гаред спал на кушетке в мастерской. На полу по ночам сквозило, а шерстяной коврик был слишком грубым и жестким. Девочка скучала по своей постели, хотя избавиться от вони Стива и Элони помог бы только огонь.

Почему мать вообще утруждается хитрить? Как будто ей кто-то поверит! С тем же успехом могла бы выгнать Эрни в общую комнату и уложить Стива в супружескую кровать.

Скорей бы уйти с Гаредом!

Лиша лежала без сна, слушала, как демоны пытаются прорваться сквозь метки, и воображала, как управляет бумажной мастерской вместе с Гаредом. Отец отошел от дел; мать и Стив, как ни прискорбно, скончались. У Лиши круглый тугой живот. Она ведет книги. Входит Гаред, потный и скрюченный после работы на дробилке. Он целует Лишу, а их ребятишки носятся по мастерской.

Фантазия согрела ее сердце, но девочка вспомнила слова Бруны и задумалась, много ли потеряет, если посвятит жизнь детям и изготовлению бумаги. Лиша снова закрыла глаза и представила себя травницей Лесорубовой Лоцины. Все нуждаются в ее помощи — больные, беременные, раненые. Лестно, но как же Гаред и дети? Травница должна навещать больных, а Гаред вряд ли станет носить за ней инструменты и травы, не говоря уже о том, чтобы присматривать за детьми, пока Лиша будет трудиться.

Бруна, однако, как-то справилась много десятилетий назад — вышла замуж, вырастила детей, не переставая лечить людей. Интересно как. Надо спросить старуху.

Лиша услышала щелчок двери и подняла глаза. Гаред осторожно вышел из мастерской. Девочка притворилась спящей, а когда он подошел ближе, резко перекатилась на спину.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала она.

Гаред подскочил и зажал рот рукой. Лиша прикусила губу, чтобы не засмеяться.

— Мне нужно в уборную, — прошептал Гаред и встал рядом с ней на колени.

— В мастерской есть уборная, — напомнила Лиша.

— Тогда поцелуй меня на ночь. — Он наклонился, выпятив губы.

— Я три раза целовала тебя на ночь. — Лиша игриво шлепнула жениха.

— Разве четвертый будет лишним?

— Вряд ли. — Лиша обняла его за шею.

Через некоторое время скрипнула другая дверь. Гаред напрягся и огляделся в поисках укрытия. Лиша указала на стул. Великан не мог спрятаться целиком, но в тусклом оранжевом мерцании очага сошло бы и так.

Через мгновение мелькнул огонек, и надежда испарилась. Лиша едва успела лечь и закрыть глаза.

Сквозь полуприкрытые веки Лиша увидела, как мать заглядывает в общую комнату. Фонарь был почти полностью закрыт шторками и отбрасывал длинные тени, так что Гаред вполне мог остаться незамеченным, если Элона не станет приглядываться.

Они беспокоились напрасно. Убедившись, что Лиша спит, Элона скрылась за дверью в комнату Стива.

Лиша долго смотрела ей вслед. Неверность Элоны не стала для девочки новостью, но до сих пор Лиша позволяла себе роскошь сомнений.

Гаред положил руку ей на плечо:

— Бедная Лиша...

Она уткнулась лицом ему в грудь и заплакала. Он крепко обнимал ее, заглушал рыдания, раскачивался взад и вперед. Вдалеке завыл демон, и Лише захотелось подхватить. Она сдерживалась в надежде, что отец спит и не слышит, как хрюкает мать. Но надежда была тщетной, разве что Элона напоила его сонным зельем Бруны.

— Я заберу тебя отсюда, — пообещал Гаред. — Хватит мечтать! К свадьбе я построю нам дом, даже если придется срубить и сложить бревна собственными руками.

— Ах, Гаред! — Лиша поцеловала его.

Он обнял ее и уложил на пол. Кровь у нее в ушах шумела громче Стива, Элоны и демонов на улице.

Гаред гладил ее тело, и Лиша позволила ему прикасаться к местам, которые можно трогать только мужу. Она ахнула и выгнула спину от удовольствия, и Гаред воспользовался возможностью и устроился между ее ног. Лиша почувствовала, как он спускает штаны, и поняла, что он делает. Она знала, что должна оттолкнуть его, но внутри ее зияла пустота, и ей казалось, что только Гаред способен заполнить ее.

Он уже изготовился идти на приступ, когда Элона закричала от удовольствия, и Лиша застыла. Чем она лучше матери, если так легко нарушила клятву? Она поклялась пересечь метки своего будущего дома невинной. Поклялась ни в чем не походить на Элону. И вот забыла обо всем и кувыркается с парнем в нескольких футах от своей порочной матери!

«Клятвопреступники — вот кого я не выношу», — как наяву услышала Лиша и крепко прижала ладони к груди Гаред.

— Гаред, пожалуйста, не надо, — прошептала она.

Гаред застыл. Наконец он скатился с нее и завязал штаны.

— Прости, — тихо сказала Лиша.

— Нет, это ты меня прости. — Гаред поцеловал ее в висок. — Я могу подождать.

Лиша крепко обняла его, и Гаред встал, готовый уйти. Ей хотелось, чтобы он остался и спал рядом, но на сегодня хватит испытывать судьбу. Если Элона их застукнет, то жестоко накажет дочь, несмотря на собственный грех. Возможно, даже именно из-за него.

Дверь в мастерскую защелкнулась, и Лиша легла на спину, полная приятных мыслей о женихе. Мать может сколько угодно причинять ей боль — она все снесет, пока у нее есть

За завтраком всем было не по себе. Гости и хозяева громко жевали и глотали в напряженном молчании. Казалось, все, что можно сказать, лучше оставить при себе. Лиша безмолвно убрала со стола, а Гаред и Стив взялись за топоры.

— Ты сегодня зайдешь в мастерскую? — Гаред наконец нарушил тишину.

Эрни впервые за утро поднял взгляд — его интересовал ответ дочери.

— Я обещала Бруне помочь с ранеными. — Лиша виновато посмотрела на отца. Эрни с пониманием кивнул и слабо улыбнулся.

— И долго это будет продолжаться? — спросила Элона.

Лиша пожала плечами:

— Наверное, пока они не поправятся.

— Ты слишком много времени проводишь со старой ведьмой.

— Ты сама попросила, — напомнила Лиша.

Элона нахмурилась:

— Не умничай, девка.

Лиша разозлилась, но накинула плащ на плечи и сверкнула победной улыбкой:

— Не беспокойся, мама. Я не стану пить слишком много чая.

Стив фыркнул, а Элона выпучила глаза, но Лиша выскочила за дверь, прежде чем мать отразила удар.

Гаред проводил ее, но только до места, где дровосеки собирались по утрам. Друзья уже ждали Гаред.

— Ты поздно, Гар, — проворчал Эвин.

— Он завел себе повариху, — сказал Флинн. — Грех не задержаться.

— Если он вообще спал, — фыркнул Рен. — Спорим, она ему не только готовит? Под самым носом у отца!

— Рен угадал? — спросил Флинн. — Нашел, куда засунуть свой топор?

Лиша ощетибилась и открыла рот, но Гаред положил руку ей на плечо:

— Не обращай на них внимания. Им просто нравится тебя злить.

— Мог бы и защитить мою честь!

Мальчишкам и без нее найдется о чем спорить.

— Защищу, не сомневайся, — пообещал Гаред. — Просто не хочу, чтобы ты это видела.

Лучше считай меня милым.

— Ты душка. — Лиша встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Парни заулюлюкали.

Лиша показала им язык и ушла.

— Идиотка, — пробормотала Бруна, когда Лиша рассказала ей о разговоре с матерью. — Хватило ума выкладывать карты, когда игра только началась!

— Это не игра, это моя жизнь! — возмутилась Лиша.

Бруна схватила ее за щеки, так что девочка невольно приоткрыла рот.

— Тем более надо быть умнее. — Старуха сверкнула белесыми глазами.

Злость закипела в груди Лиши. Да кто Бруна такая, чтобы обращаться с ней подобным образом? Старуха презирает весь город, хватается кого ни попадя, бьет, угрожает. Чем она лучше Элоны? Хотела ли травница помочь Лише, когда рассказывала ужасные вещи о ее матери, или просто манипулировала ею в надежде заполучить ученицу? Точно так же, как Элона давит на дочь, чтобы та поскорее вышла за Гаредда и нарожала ему детей? В глубине души Лиша хотела и врачевать, и нянчить малышкой, но ей надоело жить по чужой указке.

— Смотрите, кто пришел, — донеслось от двери. — Чудо-ребенок!

Лиша подняла взгляд и увидела в дверях Праведного дома Дарси с охапкой дров. Женщина даже не пыталась скрыть, что Лиша ей не нравится, и при желании могла напугать не меньше Бруны. Лиша попробовала убедить ее, что не представляет опасности, но вышло только хуже. Дарси не собиралась с ней мириться.

— Лиша не виновата, что за два дня выучила больше, чем ты за первый год, — сказала Бруна, когда Дарси бросила дрова на пол и подняла тяжелую чугунную кочергу, чтобы разворошить огонь.

Лиша понимала, что не поладит с Дарси, пока Бруна сыплет соль на рану. Девочка занялась травами для припарок. У нескольких пострадавших воспалились ожоги, и за ними надо было тщательно ухаживать. Другим приходилось и того хуже. Бруна дважды вставала ночью, чтобы им помочь, но пока что травы и умение ее не подвели.

Бруна распоряжалась в Праведном доме, как у себя в хижине; гоняла рачителя Майкла и остальных, словно милнских служанок. Лишу она держала при себе и ни на секунду не умолкала, объясняя ей хриплым скрипучим голосом природу ран и свойства лекарственных трав. Лиша смотрела, как старуха режет и зашивает плоть, и ее больше не подташнивало от неприятного зрелища.

Утро сменилось днем, и Лиша заставила Бруну отдохнуть и перекусить. Другие не замечали натужного дыхания и дрожащих рук старухи, но Лиша видела все.

— Хватит. — Она забрала у травницы ступку и пестик.

Бруна вскинулась.

— Отдохните, — велела Лиша.

— Да кто ты такая, девка... — Бруна потянулась за палкой.

Лиша успела уклониться, перехватить палку и указать ею на крючковатый нос Бруны.

— Хотите опять свалиться с приступом? — упрекнула она. — Я отведу вас на улицу, и нечего спорить! Стефни и Дарси справятся без вас.

— Сомневаюсь, — проворчала Бруна, но позволила вывести себя наружу.

Солнце стояло высоко, и трава у Праведного дома была сочной и зеленой, не считая пары выгоревших участков, где порезвились огненные демоны. Лиша разложила покрывало, усадила Бруну и поднесла ей лечебный чай и мягкий хлеб, об который старуха не обломает последние зубы.

Они молча сидели и наслаждались теплым весенним днем. Лиша подумала, что напрасно сравнивала Бруну с матерью. Когда они с Элоной в последний раз молча радовались солнышку? Пожалуй, никогда.

Лиша услышала храп, обернулась и увидела, что Бруна задремала. Девочка улыбнулась и укутала травницу шалью. Вытянула ноги и заметила неподалеку Сэйру и Мэйри с шитьем. Подруги помахали ей и подвинулись, чтобы освободить место на одеяле.

— Как поживает знахарство? — спросила Мэйри.

— Утомительно, — ответила Лиша. — А где Брианна?

Девочки переглянулись и захихикали.

— В лесу с Эвином, — ответила Сэйра.

Лиша поцокала языком:

— Рано или поздно она кончит, как Кларисса.

Сэйра пожала плечами:

— Брианна говорит, что глупо презирать то, чего не пробовал.

— Собираешься попробовать? — спросила Лиша.

— Ты думаешь, спешить некуда. Я тоже так считала, пока Джек не погиб. Теперь я бы все отдала, чтобы побыть с ним хоть разок перед смертью. Или даже родить от него ребенка.

— Прости.

— Ничего, — печально ответила Сэйра. Лиша обняла ее, и Мэйри присоединилась к ним.

— Как мило! — раздался голос из-за спины. — Я тоже хочу обниматься!

Девушки обернулись. Брианна налетела на них и со смехом повалила в траву.

— Ты сегодня в хорошем настроении, — заметила Лиша.

— Удачно повалилась в лесу.

Брианна подмигнула и ткнула подругу локтем под ребра.

— А еще, — пропела она, — Э-э-э-эвин рассказал мне се-е-екрет!

— Какой? — хором крикнули девушки.

Брианна рассмеялась и покосилась на Лишу.

— Позже, — сказала она. — Как поживает новая ученица старой карги?

— Никакая я не ученица, что бы Бруна ни думала, — возразила Лиша. — Я по-прежнему собираюсь управлять отцовской мастерской, когда мы с Гаредом поженимся. Я просто помогаю лечить больных.

— Тебе не позавидуешь, — сказала Брианна. — Похоже, целительство — тяжелая работа. Выглядишь ужасно. Хорошо спала ночью?

Лиша покачала головой:

— На полу у очага — не то что на кровати.

— А по мне, так с Гаредом мягко и на полу, — заметила Брианна.

— Что ты имеешь в виду?

— Лиша, не прикидывайся дурочкой, — начала злиться Брианна. — Мы же твои подруги.

Лиша надулась:

— Если ты намекаешь...

— Хватит пыжиться, Лиша, — сказала Брианна. — Я знаю, что Гаред заправил тебе прошлой ночью. Я надеялась, ты не станешь врать подругам.

[Купить полную версию книги](#)

Эци — ледяная мумия древнего человека, найденная в Тирольских Альпах. На теле Эци полсотни татуировок из точек, линий и крестов; по некоторым версиям, он был шаманом. — *Здесь и далее — прим. переводчика.*